

18+

ЭЙДОС

КНИГА СУДЕБ

АЛЕКС КАМ

Алекс Кам

Эйдос. Книга судеб

«Издательские решения»

Кам А.

Эйдос. Книга судеб / А. Кам — «Издательские решения»,

Что, если твои черновики начнут мстить? Писатель открывает папку с недописанным фэнтези-романом и обнаруживает: мир Эйдос реален, а обитатели этого мира страдают от его сюжетных решений. Чтобы остановить распад реальности, он должен войти в собственное творение. Но за каждую ошибку придется платить. Его друг Элессар тает на глазах, армия отвергнутых персонажей идет войной. Алдарион должен сделать выбор: остаться богом или стать человеком. Это история о том, как чернила встречаются с кровью.

© Кам А.

© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Глава 1. Чернильный тупик	9
Сон	11
Разговор с редактором	14
Глава 2. Первая строка Зафраэля	18
Глава 3. Камень Видения	27
Глава 4. Песнь Элессара	33
Глава 5. Совет Нестабильности	41
Глава 6. Клятва Келан	47
Глава 7. Незванный гость	56
Глава 8. Мост над бездной	64
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Эйдос. Книга судеб

Алекс Кам

© Алекс Кам, 2026

ISBN 978-5-0069-9843-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Стенограмма специального заседания Секции теоретической физики

Расшифровка аудиозаписи, предоставленной оргкомитетом XXV Международной конференции по проблемам квантовой механики. Дата: 12 апреля 2028 года. Место: конференц-зал Физического института имени Лебедева, Москва. Мероприятие было посвящено докладу доктора Амара Верреса «О возможной корреляции между нарративными структурами и квантовой запутанностью». Публикуется с сокращениями.

Ведущий: Слово предоставляется доктору Амару Верресу, независимому исследователю, ранее — старшему научному сотруднику Института теоретической физики.

Аплодисменты. Амар подходит к трибуне, поправляет очки, несколько секунд молча смотрит в зал.

Амар: Я понимаю, зачем вы здесь. Не для того, чтобы слушать мою теорию. Никто не верит в эту теорию. Правильно и делают. Потому что у меня нет доказательств.

В зале смехи.

Я мог бы сейчас разложить перед вами графики, распечатки, показания приборов. Но всё это, — он касается стопки бумаг на трибуне, — при должном воображении можно объяснить атмосферными помехами, сбоем аппаратуры или массовой галлюцинацией трёх человек, двое из которых — писатель-фантаст и его знакомый, страдающий бессонницей.

Пауза. В зале оживление.

Голос из зала: Простите. А кто третий?

Амар (усмехается): А третий — моё Альтер эго. Тот самый знакомый с бессонницей, только с двумя паспортами и хроническим желанием всё проверять. Мы с ним часто спорим. Он требует результатов, а я просто хочу выпить чаю и никому ничего не доказывать.

В зале смех.

Понимаете, коллеги, я с самого начала был в этой истории в двух ипостасях. Как учёный — и как свидетель. Учёный во мне до сих пор сомневается. А свидетелю иногда хочется просто помолчать. Поэтому давайте сразу договоримся: я не буду ничего доказывать. Я просто расскажу то, что видел. А вы решите, кому верить — учёному или свидетелю. Они, как вы понимаете, часто спорят друг с другом.

Голос из первого ряда (профессор Вайнштейн, кафедра астрофизики): Доктор Веррес, позвольте тогда вопрос к учёному. В вашей аннотации упоминается некий «Камень Видения», который якобы служил каналом связи с «параллельной реальностью». Где он сейчас? И откуда он у вас взялся?

Амар: Камень лежит у меня дома. В ящике письменного стола, рядом с недописанной диссертацией и засохшей ручкой. — Пауза. — А взялся он... ну, его дал мне друг. Тот самый писатель, о котором вы наверняка слышали в связи со всей этой историей.

Вайнштейн: То есть: ваш «артефакт из другого мира» — это предмет, переданный вам лицом, заинтересованным в, скажем так, художественном осмыслении событий?

Амар: Именно. И это лучшая рекомендация из всех, которые я когда-либо получал. — Он подаётся вперёд. — Знаете, профессор, если бы я хотел кого-то обмануть, я бы придумал историю покрасивее. С инопланетянами, с правительственным заговором, с тайными лабораториями. А я пришёл к вам с булыжником и рассказом о том, как писатель-неудачник случайно создал мир, а потом вошёл в этот мир для того, чтобы исправить свои же ошибки. Это слишком нелепо, чтобы быть ложью. Это может быть только правдой.

Вайнштейн: Или шизофренией.

Амар: Возможно. — Он кивает. — Я сам этот вариант рассматривал в первую очередь. Даже записался к психиатру. Знаете, что он сказал?

Вайнштейн молчит.

Он сказал: «Доктор Веррес, если это шизофрения, то у неё на редкость последовательная внутренняя логика. Обычно больные противоречат сами себе. А вы... вы как будто защищаете диссертацию по собственному бреду». Мы посмеялись и разошлись. Он до сих пор мне звонит иногда — спрашивает, не привиделось ли мне чего нового.

В зале смех.

Голос из середины зала (женский, молодой): А сам Камень? Вы сказали, он был каналом связи. Что вы с ним делали?

Амар: Обычный булыжник. Кварц с тёмными прожилками, размером с кулак. Если смотреть на него просто так — ничего особенного. Но если смотреть на него в тот момент, когда Алдарион думает об Эйдосе, Камень начинает светиться. Не физически. Спектрограф ничего не ловит. Но глаза видят свечение. Глубинное, тёплое. Как будто смотришь в окно, за которым всегда рассвет.

Голос (тот же): Вы исследовали это свечение?

Амар: Два года. Каждую ночь, пока Камень работал. Я перепробовал всё: спектрографы, интерферометры, счётчики Гейгера, тепловизоры. Ноль. Абсолютная пустота по всем приборам. Но глаза видели. И знаете, что самое страшное?

Тишина в зале.

В какой-то момент я перестал верить приборам. Я начал верить глазам. Для физика это хуже, чем смерть. Это профессиональное самоубийство.

Он усмехается.

Но я хотя бы выжил. В отличие от Камня.

Голос (тот же): А что с ним случилось?

Амар: Погас. В тот самый день, когда всё закончилось. Когда они подписали Договор. Я сидел перед ним, ждал обычного сигнала, а он просто... перестал быть окном. Стал стеклом. Мёртвым.

Голос с балкона (пожилой, с хрипотцой): Красиво сказано. Для писателя. Но вы-то, человек науки, как это объясните?

Амар: У меня есть гипотеза. — Амар достаёт из внутреннего кармана потрёпанный блокнот, показывает залу. — Здесь формулы, которые мои коллеги называют «элегантным бредом». Я согласен. Потому что эти формулы описывают мир, где причина и следствие могут меняться местами. Где мысль имеет массу. Где история — это физическое поле, которое можно растягивать, рвать и сшивать заново.

Я назвал это «нарративной физикой». Звучит как оксюморон. Как «мокрая сухость». Но если вы согласны, что наблюдатель влияет на результат измерения — а квантовая механика это доказала сто лет назад, — то почему наблюдатель не может влиять на сюжет? Почему история не может быть такой же реальностью, как электрон?

Голос с балкона: Доктор Веррес, вы сейчас предлагаете нам поверить, что ваш знакомый писатель... он не придумал мир, а настроился на его частоту?

Амар: Совершенно верно. Представьте себе радиоприёмник. Вы крутите ручку, слышите шипение, музыку, голоса. Всё это — эфир. Он существует объективно, независимо от того, включён приёмник или нет. Алдарион был таким приёмником. Только вместо музыки он ловил... назовём это «шёпотом миров». А потом он записывал то, что слышал. И думал, что сочиняет.

Голос с балкона: И, вы хотите сказать, что эльфы, гномы, магия — всё это существует где-то там, в этом вашем эфире?

Амар: Они не эльфы и не гномы. Они — расы. У них есть имена, культура, история. И да, они существуют. Только не «где-то там», а здесь. — он стучит пальцем по виску. — И здесь. — стучит по столу. — В каждом атоме этого стола, если смотреть под правильным углом.

Квантовая запутанность, господа. Две частицы, разделённые тысячами километров, остаются связанными. Так и миры. Мы связаны с Эйдосом сильнее, чем с любым другим гипотетическим пространством. Просто потому, что кто-то когда-то слишком долго и слишком страстно о нём думал.

Голос (тот же, но теперь ближе, видимо, спустился): Хорошо. Допустим, я на минуту принимаю вашу гипотезу. Что дальше? Чем закончилась эта история? Вы упомянули какой-то «Договор».

Амар: Она закончилась тем, чем и должна была закончиться. Они перестали быть персонажами. Мы перестали быть богами. Все сели за стол и написали конституцию.

В зале смех.

Я серьёзно. Двенадцать статей. Основной закон реальности. Теперь тот мир живёт по нему. А мы... — он разводит руками, — мы остались здесь. С нашей физикой, с нашими проблемами, с нашими войнами. И с одним маленьким отличием.

Голос: Каким?

Амар: Мы знаем, что мы не одни. И не потому, что где-то там летают тарелки. А потому, что за каждой написанной строкой, за каждой придуманной историей стоит чей-то настоящий, живой мир. И если вы будете писать достаточно честно и достаточно больно, однажды ваши чернила встретятся с чьей-то кровью.

Тишина.

Голос из первого ряда (Вайнштейн, уже мягче): Доктор Веррес, вы сами-то верите в то, что говорите?

Амар: Знаете профессор, есть старая шутка. Физик верит, что протон — это протон, пока не попытается его расщепить. Я расщепил. И там, внутри, была не кварк-глюонная плазма. Там были слова.

Пауза.

Я отвечу на ваш вопрос вопросом. Вы верите, что в этой комнате, прямо сейчас, существуют радиоволны? Вы их не видите, не слышите, не можете пощупать. Но вы знаете, что стоит включить приёмник — и заиграет музыка. Мой Камень был приёмником. Он сломался. Но музыка осталась. Она звучит где-то там. И иногда, когда я остаюсь один и в доме совсем тихо, мне кажется, я слышу её краем уха.

Амар встаёт, собирает бумаги.

Спасибо за внимание. Если у вас есть ещё вопросы — задавайте, но учтите: на большинство из них у меня нет ответов. Я не пророк и не мессия. Я просто учёный, который однажды заглянул в микроскоп и увидел там не клетки, а чьи-то глаза.

Он направляется к выходу из зала.

Голос вдогонку: А писатель? Ваш Алдарион? Что с ним?

Амар (останавливается у двери): Он пишет новую книгу. О чём — не говорит. Говорит, что ждёт, когда история родится сама. Станный метод, да? Но кто я такой, чтобы спорить. — Пауза. — Вот с этого вопроса всё и началось. С пустой квартиры, с недопитого кофе, с папки, на которой было написано одно слово. Слово, которое стало именем.

Доктор Веррес вышел из зала, в котором стало очень шумно.

Глава 1. Чернильный тупик

В крошечной однушке на окраине городка Верея, за рабочим столом сидел человек. Он сидел неподвижно, уставившись на чистый лист бумаги формата А4. На мониторе ноутбука красовался пустой документ Microsoft Word. Настольная лампа скупно освещала комнату в черновой отделке — наследство, доставшееся Алдариону после бракоразводного процесса и раздела имущества. Жене, теперь уже бывшей, досталась трёшка во Внуково, свидетельство его бывшего подъёма, а ему — эта убогая однушка. Но он сам так решил: маленький сын должен расти в нормальных условиях.

Грустные мысли, связанные с разводом и очередным провалом, не давали сосредоточиться. Они методично разгоняли сюжет новой книги. В очередной раз он решил написать что-нибудь коммерческое, не для души, но лист формата А4 так и оставался чистым. Глубокий творческий кризис окутал сознание Алдариона, погрузив его во тьму, из которой, как ему казалось, невозможно найти выход.

Алдарион встал с места и принялся перебирать папки с документами и своими старыми черновиками. Была у него дурацкая привычка — писать от руки. В файлы на ноутбуке его рукописи попадали только в чистовом варианте.

Через десять минут поисков в его руках оказалась папка с надписью «Эйдос».

Длинными гибкими пальцами Алдарион открыл её, и его слегка рассеянный, погружённый в себя взгляд начал меняться. Такое с ним происходило в моменты заинтересованности или творческого озарения: взгляд становился острым, гипнотически сфокусированным — взглядом Творца, увидевшего сюжет.

Папка с черновиком «Эйдос» оказалась достаточно объёмной. Алдарион уже с трудом вспоминал, по какой причине забросил работу над этим проектом. Постояв немного у рабочего стола, он развернулся и направился в противоположную сторону комнаты, где, дожидаясь уставшего писателя, стояла кровать. Скрип деревянного пола нарушил густую тишину. Алдарион всем телом плюхнулся в кровать и с интересом занялся изучением материала.

Расы:

Альвианы — духовные наставники, обладающие глубокими познаниями в искусстве исцеления и связи с природой.

Антарианцы — человеческая раса, известная своей выносливостью, изобретательностью и преданностью общему делу.

Мерилианцы — маленькие обитатели лесов, живущие простой и счастливой жизнью, умеющие видеть прекрасное даже в мелочах.

Заратры — особые существа, сумевшие преодолеть тёмное наследие прошлого и стать частью светлого будущего.

Карнуры — мастеровые, гномоподобные существа, прославившиеся выдающимся умением создавать разного рода полезные механизмы и укреплять города.

Астреары — крылатые стражи неба, способные парить над облаками и защищать жителей сверху. Они также способны видеть узоры судьбы и просчитывать вероятности.

Алдарион пробежался глазами по расам. Он помнил, как придумывал им названия, хотелось чего-то певучего, лёгкого, светлого и в то же время глубокого.

География Эйдоса: расовые домены и нарративные ландшафты

Философский принцип: место обитания расы напрямую связано с её ролью в «черновике» и степенью стабильности, которую она воплощает или отвергает.

I. Центральные области (сердцевина канона)

Наиболее проработанные, стабильные и «правильные» с точки зрения изначального замысла регионы.

Лумианские Долины (домен альвианов)

Идиллический край вечной весны, где природа существует в идеальной гармонии. Чистые реки, цветущие луга, светящиеся рощи. Времена года плавно сменяют друг друга, но цикл замедлен.

Нарративный статус: высокая стабильность.

Ключевая локация: Силендриль. Столица Совета Девяти, построенная не из камня, а из живых, переплетённых древних деревьев и светящихся кристаллов. Здесь находится Зала Гармонии, где проходит Совет.

— Помню, как я гордился названием «Силендриль», — улыбаясь, произнёс Алдарион.

Хребет Несокрушимой Воли (домен карнуров)

Величественные, строгие горы, богатые залежами руд и самоцветов. Архитектура карнуров — это не пещеры, а величественные подземно-наземные цитадели. Мосты, башни и шахтные комплексы высечены прямо в скалах.

Нарративный статус: абсолютная структурная стабильность. Карнуры инстинктивно «чинят» геометрию мира.

Ключевая локация: Крепость Адамант. Главная кузница и инженерная академия карнуров.

— Карнуры, по сути гномы, подземные жители, но я их видел по-другому: «абсолютная структурная стабильность». — Алдарион усмехнулся. — Насколько я сам далёк от этого?

Золотые Степи и Вольные Порты (домен антарианцев)

...

Алдарион настолько погрузился в изучение материалов, что даже не заметил, как уснул. Папка выскользнула из рук, листы рассыпались по одеялу, но он уже не видел этого. Сознание провалилось куда-то глубоко, за пределы реальности

Сон

Сначала был просто свет. Тёплый, золотистый, просачивающийся сквозь веки. Алдарион почувствовал под собой мягкую, чуть влажную от росы траву.

Он лежал в центре цветущего сада, какого не видел никогда в жизни. Деревья здесь напоминали ивы, но их ветви светились изнутри мягким изумрудным светом, а листья переливались всеми оттенками зелени. Между стволами вились тропинки, выложенные разноцветной галькой, которая тихо позванивала под ногами. В воздухе пахло мёдом, дождём и чем-то ещё, неуловимо знакомым — запахом детства, беззаботности, утра, когда можно никуда не спешить.

Алдарион сел, провёл ладонью по траве. Она оказалась на ощупь не просто мягкой — она словно дышала под пальцами, живая, тёплая.

— Где я? — прошептал он, но голос прозвучал глухо, будто сквозь вату.

Он встал и сделал несколько шагов. Тело было лёгким, почти невесомым. Он подпрыгнул — и вместо того, чтобы приземлиться, повис в воздухе, смеясь от неожиданности и восторга. Чувство полёта, давно забытое, из детских снов, охватило его. Он взмыл вверх, выше крон деревьев, и увидел сад сверху — он простирался на километры, уходя к горизонту, где начинались серебристые холмы и сияющие на солнце шпили хрустального города.

Город был прекрасен. Башни его вздымались к небу, сложенные из прозрачного материала, который преломлял свет, рождая радуги. Мосты перекидывались между зданиями, и по ним двигались крошечные фигурки. Алдарион замер, заворожённый зрелищем. Он знал этот город. Он придумал его. Но здесь он был настоящим.

Внезапно небо потемнело. С запада, откуда-то из-за холмов, приближалась туча — чёрная, густая, как пролитые чернила. Она двигалась неестественно быстро, пожирая свет. Радуги погасли. Шпили города, ещё минуту назад сиявшие, потускнели.

Алдариона потянуло вниз. Он терял высоту, чувствуя, как восторг сменяется ледяным ужасом. Ноги коснулись земли уже не в саду, а на пустынной мостовой. Вокруг высились руины. Они кричали и издавали низкий, вибрирующий звук, похожий на стон раненого зверя. Воздух здесь был тяжёлым, горьким, с привкусом пепла.

Алдарион попытался, но сзади была только стена разрушенного здания. Чёрная туча накрыла небо полностью. Стало темно, как в погребке. Лишь редкие вспышки света вырывались из-под обломков, освещая фигуру, стоявшую в центре площади.

Элессар.

Алдарион узнал его сразу, хотя никогда не видел во плоти. Высокий, широкоплечий, в серебристых доспехах, покрытых вмятинами и царапинами. Лицо воина было сурово, но в серых глазах горел не гнев, а усталая решимость. Он держал в руке копьё, остриё которого светилось белым, и этот свет был единственным источником во всей тьме.

— Элессар, — прошептал Алдарион, и имя обожгло губы.

Воин повернул голову на голос. На секунду их взгляды встретились. В глазах Элессара мелькнуло узнавание — как у солдата, увидевшего того, из-за кого гибнут его братья. Без ненависти. Без мольбы. С вопросом: «Зачем?»

Но ответить Алдарион не успел.

Тьма сгустилась в центре площади, спрессовалась в фигуру, которая начала расти, наливаясь чёрным светом. Это была тень, но живая. Она перетекала, меняла очертания, и в глубине её пульсировал глаз — огромный, красный, с вертикальным зрачком. Глаз смотрел прямо на Алдариона, и от этого взгляда кровь застыла в жилах.

— Ты создал нас, — произнесла тень голосом, который шёл отовсюду сразу. Низкий, гулкий, вибрирующий, он проникал в кости, в самую душу. — Ты создал нас, но забыл. Оставил

черновиками, недописанными строками, выброшенными набросками. Мы — твоя боль, твоя лень, твоё равнодушие. Мы — те, кому ты не дал права на счастье.

Алдарион хотел ответить, хотел крикнуть, что это неправда, что он любил этот мир, но голос пропал. Горло сдавило спазмом.

— Зафраэль! — голос Элессара прозвучал как удар колокола. — Остановись! Ты уничтожишь не его — ты уничтожишь всех нас!

— Я дам вам свободу! — взревела тень. — Свободу от Творца, который играет нашими судьбами, как игрушками! От того, кто пишет наши смерти, не чувствуя боли!

Тень рванулась вперёд, и Элессар вскинул копьё. Свет и тьма столкнулись с такой силой, что земля под ногами Алдариона пошла трещинами. Воздух взорвался ударной волной. Алдариона отбросило к стене, он ударился спиной, но боли не почувствовал — только ледяной холод пронзил всё тело.

Битва длилась мгновение и вечность одновременно. Элессар двигался с грацией, невозможной для человека, — его копьё чертило в воздухе огненные знаки, которые гасили тьму, но тьма накатывала снова и снова. Алдарион видел, как доспехи воина покрываются трещинами, как свет его копья тускнеет.

— Помоги мне! — крикнул Элессар, обернувшись на мгновение. Крик этот был обращён не к тени, а к нему, к Алдариону. — Ты создал этот мир — ты можешь его спасти!

Но Алдарион не знал, как. Он попытался сосредоточиться, представить, что тьма рассеивается, что свет побеждает — и вдруг почувствовал странную силу, разливающуюся по венам. Словно где-то внутри открылся клапан, и энергия хлынула наружу.

Свет вокруг Элессара вспыхнул ярче. Воин сделал выпад, и копьё пронзило тень насквозь. Та закричала — страшно, пронзительно, и в этом крике слышалась не только ярость, но и боль, и давняя, забытая обида.

Но вместо того, чтобы исчезнуть, тень взорвалась тысячей осколков, которые закружились в бешеном вихре, образовав воронку. Воронка засасывала всё: камни, пыль, обломки хрусталя. Алдарион почувствовал, что его ноги отрываются от земли, что его тянет внутрь, к чёрному сердцу этой воронки, где пульсировал тот самый глаз — теперь уже не один, а сотни глаз, смотревших из тьмы.

— Нет! — закричал он, цепляясь за выступ стены. Пальцы скользили по камню, срывались. Ветер ревел в ушах.

Элессар бросился к нему, протянул руку, но расстояние было слишком велико. Их взгляды встретились в последний раз. В глазах воина Алдарион увидел не упрёк, не злость — только силу. И ещё что-то, похожее на надежду.

— Я вернусь! — крикнул Алдарион, но ветер развеял его слова.

Воронка поглотила его.

Он проснулся от собственного крика. Сердце колотилось, рубашка прилипла к спине, мокрая от пота. В комнате было темно, только уличный фонарь за окном бросал жёлтые пятна на потолок.

Алдарион сел на кровати, схватившись за голову. Перед глазами всё ещё стояло лицо Элессара — измождённое, но гордое. И глаза Зафраэля — сотни глаз, смотревших из воронки с такой ненавистью, что хотелось закричать снова.

— Это всего лишь сон, — прошептал он, пытаясь успокоить дыхание. — Просто сон. Перенапряжение, стресс, старые черновики...

Но пальцы дрожали. Он посмотрел на свои руки — на ладонях не было пыли, не было следов той битвы. Он провёл языком по губам — во рту чувствовался привкус металла и горечи.

«Помоги мне», — всплыл в памяти голос Элессара. Такой отчётливый, такой настоящий. Голос живого существа, которое действительно нуждалось в помощи.

Алдарион встал, подошёл к окну, распахнул створку. Холодный ночной воздух хлынул в комнату, пахло бензином и прелыми листьями. Зажглись фары проезжающей машины, где-то лаяла собака. Мир был прежним.

Но Алдарион знал: что-то изменилось. Слишком ярким был сон. Слишком реальным. Он обернулся и посмотрел на разбросанные по кровати листы черновика. Свет уличного фонаря упал на один из них, и Алдарион замер: по странице с описанием расы заратров гулял свет, мигая так, будто предлагал обратить внимание именно на это место.

Алдарион сглотнул, заставил себя подойти и перевернуть лист другой стороной. Просто игра света. Конечно, просто свет. Мало ли что померещится ранним утром после кошмара.

Он посмотрел на часы. 4:47.

Он сел за стол, положил перед собой чистый лист и взял ручку. Пальцы всё ещё дрожали, но он заставил себя написать:

«Элессар. Зафраэль. Если вы существуете — дайте знак. Любой».

Он отложил ручку и уставился на лист. Ничего не происходило. Бумага оставалась бумагой, чернила — чернилами.

— Дурак, — сказал Алдарион вслух и отправился на кухню ставить чайник. — Дурак, который спятил на нервной почве.

Он не видел, как на миг лист на столе слабо засветился изнутри, и буквы на нём чуть дрогнули.

Разговор с редактором

Закипел чайник. Алдарион налил кофе, сделал глоток — и в памяти вдруг всплыл тот разговор, после которого он и забросил «Эйдос». Разговор с главным редактором своего издательства, Игорем Петровичем Зацепиным. Тогда, три года назад, он зашёл в кабинет с папкой под мышкой, полный надежд.

Алдарион, сидя в кабинете главного редактора, нервно крутил ручку в пальцах. Перед ним лежала папка — наброски и эскизы мира «Эйдос». Игорь Петрович посмотрел на него усталым взглядом, покачал головой и тяжело вздохнул.

— Алдарион, дружище, честно говоря, твой проект... ну, знаешь, тут такая проблема. Да, мир интересный, оригинальный, персонажи яркие, но...

Алдарион напрягся.

— Что опять не так?

Игорь Петрович откинулся на спинку кресла.

— Понимаешь, читатель нынче избалован. Мы ищем проекты, которые сразу цепляют аудиторию. Тут, конечно, твоя фантазия впечатляет, но вот концепция... Как бы сказать мягче? Она слишком сложная, запутанная. Читателю сложно ориентироваться в мире, полном непонятных рас и сложных географических особенностей. Нужна чёткая структура, линейная интрига, понятные герои и антагонисты. Сейчас рынок требует динамичных историй, насыщенных действием и приключениями.

Алдарион нахмурился.

— Но ведь именно оригинальность моего проекта должна привлечь внимание читателей! Разве не интересно увидеть нечто новое, уникальное?

Главный редактор улыбнулся сочувственно.

— Оригинальность — это хорошо, но должна быть и коммерческая привлекательность. Посмотри на бестселлеры последних лет: там чёткий сюжет, яркий конфликт, понятные мотивации героев. А у тебя... какая-то философия, долгие описания ландшафта, таинственные имена, понятия, смысл которых не очевиден сразу. Тебе придётся упростить концепцию, сделать её более доступной массовому читателю.

Алдарион чувствовал, как разочарование закрадывается в душу.

— Может, попробовать добавить экшен, ускорить темп повествования? Или поменять структуру сюжета?

Игорь Петрович кивнул одобрительно.

— Вот это другое дело! Попробуй переписать начало, сделай героя менее рефлексирующим, дай ему цель, к которой он стремится, окружи его препятствиями, заставь бороться. Упростив историю, ты сможешь сохранить интересные элементы мира, но сделать их доступнее для широкой аудитории.

Алдарион помолчал.

— Хорошо, попробую пересмотреть концепцию. Только дайте мне шанс показать, что я смогу сделать лучше.

Игорь Петрович пожал руку Алдариону.

— Шанс у тебя есть, но запомни главное правило рынка: книга должна продавать себя сама. Если читатели не поймут твоего замысла с первых страниц, они вряд ли станут читать дальше.

Алдарион вышел из кабинета, держа в голове образы персонажей и миров, которые он создавал годами, но понимал, что теперь ему предстоит нелёгкий выбор: остаться верным своему видению или адаптироваться под требования рынка.

В тот момент его выбор пал в сторону рынка, и проект «Эйдос» был благополучно забыт. В последующие три года Алдарион опубликовал серию из пяти книг, которые полностью отвечали требованиям издательства. Книги из серии «Петровка 38» автора Алдариона Милича разлетались как горячие пирожки. Но по иронии судьбы они же и стали причиной развода. Погрузившись с головой в работу, Алдарион совсем забыл о том, что у него есть семья. Жене это очень не понравилось, и она подала на развод.

После развода у Алдариона как-то не заладилось. Писать для коммерции ему больше не хотелось. За два года написал пару книг из бульварной серии, но от издательства получил отказ. Благо его прошлые творения неплохо продаются, что помогает ему удерживаться на плаву.

Алдарион допил остывший кофе и вернулся в комнату. Папка «Эйдос» так и лежала раскрытой на кровати.

Он подошёл к кровати, чтобы убрать папку обратно в стол, но замер. Луч утреннего солнца, пробившийся сквозь пыльное окно, упал на лист с географией Эйдоса. Подсветил причудливым образом Лумианские Долины. Алдарион моргнул. На секунду ему показалось, что линии карты дрогнули, будто реки на карте текли по настоящей равнине.

— Чёрт, — выдохнул он и потёр глаза ладонями. — Нервы. Точно, надо на природу.

Он решительно закрыл папку, убрал её в ящик стола и отправился в душ. Холодная вода немного привела его в чувство. За завтраком он уже почти убедил себя, что странный сон — просто следствие усталости и давнего творческого конфликта. Мозг переваривал старые идеи, вот и выдал такой коллаж.

Алдарион натянул джинсы, старый свитер, сунул ноги в кроссовки и уже взялся за ручку двери, когда в комнате что-то изменилось. Он не услышал звука — скорее почувствовал вибрацию: низкую, едва уловимую, идущую не извне, а из самого нутра квартиры.

Алдарион обернулся.

В углу комнаты, прямо над письменным столом, воздух мерцал. Мерцание длилось не больше трёх секунд, а затем погасло, оставив после себя лишь ощущение холода на затылке.

Алдарион стоял не дыша. Он сделал шаг назад, прижимаясь спиной к входной двери.

— Спокойно, — сказал он вслух. Голос прозвучал хрипло и чуждо. — Это газ? Старые трубы? Галлюцинация?

Он заставил себя подойти к столу. Ничего необычного. Взглянул на фотографию сына в рамке, это его немного успокоило. Монитор, клавиатура, стопка чистой бумаги. Всё как обычно. На принтере лежал лист бумаги.

Алдарион протянул руку и взял его. Пальцы дрожали.

Бумага была странной на ощупь — не гладкой, как обычный офисный формат А4, а чуть шероховатой, плотной, с едва заметным перламутровым отливом. И на ней было что-то написано. Не его почерком.

Алдарион поднёс лист к свету и прочитал всего одну фразу, выведенную твёрдыми рублеными буквами:

«Ты думал, это сон. Но сны — это черновики. Мы — твоя чистовая реальность. Приходи. Или мы придём к тебе».

Ниже, вместо подписи, был изображён символ: глаз, вписанный в спираль. Тот самый глаз, что пульсировал в глубине тени, напавшей на Элессара в его сне.

Лист выпал из ослабевших пальцев и, кружась, упал на пол. Но когда коснулся линолеума, он... истлел. Прямо на глазах Алдариона бумага потемнела по краям, свернулась, рассыпалась в пепел, который тут же развеялся невесомой пылью.

Тишина в квартире стала абсолютной. Даже холодильник на кухне перестал гудеть.

Алдарион медленно опустился на колени и провёл ладонью по тому месту, где только что лежал лист. Чисто. Ничего.

И тогда он услышал. Из угла, где мерцал воздух, донёсся звук. Тихий, далёкий, но отчётливый. Звук шагов. Кто-то шёл по каменной мостовой. Медленно, тяжело, неумолимо.

— Этого не может быть, — прошептал Алдарион одними губами.

Шаги приближались. Теперь к ним добавился другой звук — звон, будто где-то очень далеко звенели хрустальные колокольчики, но звон этот был тревожным.

Алдарион вскочил и рванул к окну. За окном был обычный серый двор, обычные девятиэтажки, обычные голуби на карнизе. Всё, как всегда. Мир не изменился. Изменилась только его комната.

Мерцание над письменным столом появилось снова.

Алдарион вжался спиной в оконное стекло. Холодок от него пробрал до костей. В голове билась одна-единственная мысль: «Я схожу с ума. Я просто схожу с ума».

Но тут же вторая мысль, холодная и ясная: «А если нет? Если всё это правда? Если тот мир, который ты придумал, и в который ты же и не поверил до конца, — если он существует? А если там сейчас решается что-то важное, а ты здесь, в своей однушке, боишься подойти к столу».

Мерцание достигло пика. На секунду комната исчезла. Алдарион стоял на краю пропасти, глядя в глаза Тени. Глаз внутри неё смотрел прямо на него, и в этом взгляде не было ненависти. В нём было требование. Требование ответа.

А затем всё кончилось.

Мерцание погасло. Угол комнаты стал просто углом. Холодильник на кухне снова загудел.

Алдарион стоял у окна, судорожно сжимая в руке штору. Он не знал, сколько прошло времени. Может, минута. Может, час.

— Однозначно мне нужно развеяться, — сказал он сам себе. — Карелия, то, что нужно, сниму домик на озере, решено.

Алдарион тут же взялся за ноутбук, нашёл нужную информацию, заказал путёвку на две недели и принялся собирать всё необходимое для отпуска. Папка «Эйдос» была первой, что он положил в свой дорожный рюкзак.

Карелия встретила его запахом сосновой смолы и душистой хвои. Домик на берегу Онежского озера оказался именно таким, как на картинке: рубленые стены, большое окно с видом на воду, скрипучее крыльцо и поленица дров под навесом. Хозяин — молчаливый старик с глазами цвета озёрной глубины — взял деньги, кивнул на баню и уехал на моторке, оставив Алдариона одного.

Три дня он не прикасался к папке.

Три дня он топил баню, сидел на крыльце в старом ватнике, смотрел на воду и пытался не думать. О Лене, о сыне, о проваленных книгах, о глазе в спирали, который мерещился ему в каждой тени. Озеро помогало. Оно было большим, спокойным и равнодушным. Алдарион наловил окуней, пожарил их на углях, съел с чёрствым хлебом и впервые за долгое время почувствовал себя почти живым.

На четвёртый день пошёл дождь.

Алдарион сидел у окна, пил чай с сушёной малиной (заначка хозяина, нашёл в шкафу) и смотрел, как капли разбиваются о стёкла. Вода в озере стала серой, небо — низким и тяжёлым. Он включил старенький приёмник, нашёл волну с классикой, и под Шопена впервые за долгое время провалился в полудрёму.

Ему показалось: за окном, на границе дождя и тумана, на секунду возникла фигура. Высокая, в серебристых доспехах, с копьём, светящимся белым светом. Фигура постояла на берегу, глядя на домик, а потом растаяла.

Приёмник кашлянул помехами. Шопен сменился шипением, а потом из динамика донёлся тихий, едва различимый голос:

— Отдыхай, Творец. Ты ещё понадобишься.

Алдарион вздрогнул, открыл глаза. Из динамика лилась всё та же классика — чисто и без помех.

Он выключил приёмник и долго сидел неподвижно, глядя на серую пелену дождя. А потом встал, достал из рюкзака папку «Эйдос» и положил её на стол, рядом с чашкой. Пусть будет. На всякий случай.

За окном дождь усиливался. В деревянном домике, на берегу озера, было очень спокойно. Вокруг ни души. Только озеро, небо, тишина — и раскрытая папка, в которой ждал целый мир.

Глава 2. Первая строка Зафраэля

Библиотека Заратров просыпалась задолго до рассвета.

Торак любил этот час — время между последней луной и первым солнцем, когда книги ещё дышали снами, а тишина была такой плотной, что в ней можно было утонуть. Он шёл по Главному Хранилищу, и ноги проваливались в ковре из мха, который заратры выращивали веками, — мягкого, серебристого, глушащего любой звук.

Справа и слева, уходя в бесконечность, поднимались стены, сложенные из живого камня, в котором были выточены тысячи ниш. В каждой покоилась книга. Некоторые спали, закрытые в темноте. Другие, древние, тихо светились изнутри. Третьи шелестели страницами во сне, перебирая сюжеты, которые им снились.

Торак остановился у одной из ниш, протянул руку.

— Доброе утро, — шепнул он.

Книга — фолиант в переплёте из коры тысячелетнего дуба — отозвалась глухим гудением. Страницы приподнялись, словно потягиваясь, и Торак почувствовал знакомое тепло: текст узнал его.

— Тихо, — улыбнулся он. — Спи.

Книга неохотно затихла, но краешек страницы так и остался торчать наружу.

— Ты опять с ними разговариваешь.

Голос раздался со спины. Торак обернулся.

В проходе стоял магистр. Старый заратр, чья кожа давно приобрела цвет пергамента, а глаза выцвели до бледно-голубого. Он смотрел на Торака с привычной смесью строгости и тепла.

— Они скучают, — сказал Торак. — Если с ними не говорить, они закрываются. Уходят в себя.

— Ты просто не можешь пройти мимо того, кому плохо.

Магистр подошёл, провёл ладонью по корешку. Фолиант довольно заурчал.

— Это дар, Торак. И проклятие. Помни об этом.

— Почему проклятие?

Магистр не ответил. Только покачал головой и пошёл дальше, в глубь Хранилища.

Торак смотрел ему вслед и чувствовал, как в груди разливается навязчивое беспокойство.

Торак сидел в Малом Читальном Зале, работая с древним свитком по истории альвианов. Свиток капризничал — буквы то тускнели, то начинали плыть. Торак шептал слова успокоения, гладил край пергамента, но свиток не поддавался.

— Он обиделся, — раздался голос. Женский, звонкий.

Торак поднял голову.

Она стояла в дверях, и солнце било ей в спину, так что лица было не разглядеть, только силуэт.

— Простите?

— Свиток. — Она шагнула внутрь. — Он обиделся, что вы пытаетесь вытянуть из него правду силой. Он хочет, чтобы вы его попросили.

— Я просил.

— Не так. — Она улыбнулась, и Торак вдруг понял, что не может отвести взгляд. — Вы просили, как страж. А он хочет, чтобы его просили, как друга.

Она подошла к столу, протянула руку к свитку. На пальцах были тёмные пятнышки смолы от свечей. Когда она коснулась свитка, буквы, которые только что капризничали, начали загорасться. Мягко, изнутри.

— Как вы это делаете? — выдохнул Торак.

— Я не делаю. — Она пожала плечами. — Я просто дышу. Словам нужно тепло, иначе они засыпают.

Она подняла на него глаза. В них была глубина — живая глубина. В глубине её глаз плескалось что-то такое, от чего хотелось прыгать вниз головой.

— Меня зовут Лирель, — сказала она. — Я художница слов. Мне нужен один свиток. Очень старый. Говорят, он помнит Время До.

Торак сглотнул.

— Время До? Такого не существует.

— А вы проверяли?

Она смотрела на него в упор, и в глазах плясали смешинки — и одновременно что-то серьёзное.

— Для доступа в Хранилище Спящих нужно разрешение Совета.

— У меня есть. — Она достала свёрнутый лист с печатью Силендриля.

Торак взял лист, прочитал. Подписано самим Элессаром, Хранителем Ритмов.

— Что вам нужно? — спросил он тихо.

— Правда, — ответила Лирель. — Просто правда. Вы ведь тоже её ищете, да?

Она протянула руку.

— Пойдёмте, страж Торак. Покажете мне ваши сокровища.

Хранилище Спящих знаний находилось глубоко под землёй.

Торак шёл первым, неся светильник. Лирель ступала след в след, и он чувствовал её дыхание за спиной.

— Здесь так тихо, — шепнула она.

— Не говорите так громко. Они спят.

Стены здесь были другими. Не живой камень, а что-то матовое, чуть мерцающее, с прожилками. И в этих стенах, как застывшие слёзы, покоились книги.

— Это те, кого забыли? — спросила Лирель.

— Это те, кого не успели запомнить. Черновики. Сюжеты, от которых отказались. Судьбы, которые не случились.

Лирель подошла к одной из ниш, прижалась щекой к стене, закрыла глаза.

— Я слышу, — прошептала она. — Они плачут. Очень тихо. Как дети, которым сказали, что их не любят.

— Не надо. — Торак взял её за руку, отвёл от стены. — Если вы их услышите слишком хорошо, они не отпустят.

Она открыла глаза, посмотрела на него долгим взглядом.

— Вы хороший, Торак. Слишком хороший для стража.

Она улыбнулась — и пошла дальше.

Манускрипт они нашли в самом конце, в нише, запечатанной паутиной. Паутина светилась тусклым серебром и переливалась, как живая.

— Не трогайте, — резко сказал Торак. — Это печать забвения. Её ставят только на то, что должно остаться забытым.

— Или на то, что кто-то очень боится показать. — Лирель не убрала руку. — Вы чувствуете? Он зовёт. Этот манускрипт не спит. Он притворяется.

Торак вслушался. И вдруг понял: она права. От ниши шла вибрация — едва уловимая. Кто-то там, внутри, бился.

— Мы не имеем права, — сказал он, но голос дрогнул.

— А кто им дал право решать? — Лирель обернулась, и в её глазах горел огонь. — Кто дал им право запечатывать правду?

Она схватилась за край паутины. Та полыхнула серебром, обожгла пальцы, но Лирель рванула на себя.

Паутина лопнула. Звук был такой, будто лопнула струна.

И из ниши хлынул свет. Чужой, проникающий внутрь, под кожу.

Манускрипт лежал на каменной плите. И Торак сразу понял: это не из Эйдоса. Бумага — простая, чуть шероховатая, с ровными краями — такой бумаги не делали ни заратры, ни альвианы. В ней не было жизни. Она не дышала, не светилась.

— Что это? — прошептала Лирель.

Торак коснулся листа.

И мир перестал быть прежним.

Строки встали перед глазами, тяжёлые, неумолимые:

«И тогда герой, спасая мир, пожертвовал своей любовью. Она упала в пропасть, и он смотрел, как её тело исчезает в темноте».

Торак отдернул руку, но было поздно. Текст уже отпечатался в сознании.

— Торак? Что с тобой?

Голос Лирель доносился будто сквозь толщу воды. Он видел её лицо, испуганное, и не мог ответить. Потому что в голове билось одно: это черновик мира.

— Кто это написал? — выдавил он.

Лирель взяла манускрипт, провела пальцами по строкам. И вдруг побледнела.

— Здесь про меня, — сказала она тихо. — Торак... это моя смерть. Кто-то её уже написал. Она просто ждёт.

— Не смей. — Торак схватил её за плечи. — Это просто бумага. Просто слова, которые не имеют никакого значения.

— Имеют. — Она подняла на него глаза, полные слёз. — Ты сам чувствуешь. Это не просто слова. Это приговор. Кто-то там, за гранью, уже решил за нас.

— Тогда мы их сотрём. — Торак вырвал манускрипт, швырнул на пол. — Мы сожжём эту дрянь.

— Не получится. — Лирель покачала головой. — Если сжечь черновик, чистовик останется. Он там, где нас нет.

Она улыбнулась — слабо и жалко.

— Пойдём, Торак. Я хочу увидеть небо, пока ещё я могу это сделать.

Следующие месяцы были лучшими в его жизни.

Торак почти бросил Библиотеку. Они встречались у входа и уходили — в поля, в леса, на холмы, откуда было видно до самого горизонта.

Они говорили обо всём. Она рассказывала о детстве, о матери, которая умерла, об отце, который ждёт её дома. Торак слушал и впитывал каждое слово.

— Ты не представляешь, — сказал он однажды, когда они сидели на крыше Библиотеки и смотрели на закат, — как я жил до тебя. Я думал, что знаю мир. А оказалось...

— Это ты сейчас из какой книги процитировал? — усмехнулась Лирель.

— Из той, которую никто никогда не напишет. Потому что такие слова нельзя записать. Их можно только сказать. И только тебе.

Она повернулась к нему. В глазах плясали отблески заката.

— Ты правда готов уйти со мной? Из Стражи, из Библиотеки?

— Я не строил — я хранил. А теперь хочу построить.

— А что ты хочешь построить?

— Дом. В Долинах. Маленький, у ручья. Чтобы ты рисовала свои слова, а я носил воду. И чтобы каждое утро видеть твоё лицо на подушке рядом.

— А дети?

— И детей. Много. Чтобы они бегали по траве и не знали никаких черновиков.

Лирель долго смотрела на него. А потом расплакалась.

— Ты чего?

— Именно так, как я мечтала. Именно поэтому я и боюсь.

— Чего?

— Что черновик допишут раньше, чем мы успеем начать.

Он обнял её, прижал к себе.

— Не дам. Я сотру любую строку, которая посмеет тебя коснуться.

Она подняла голову:

— Просто будь рядом. Это всё, что мне нужно.

Это случилось через три дня.

Обычный день. Солнце, лёгкий ветер. Лирель пошла на рынок — хотела купить нитки, чтобы вышить Тораку пояс с рунами. Он ждал её у Библиотеки, сидел на ступенях, грелся на солнце.

А потом земля ушла из-под ног.

Он вскочил. Люди на площади замерли, глядя в одну точку. Кто-то вскрикнул.

Торак побежал.

Чёрная, абсолютная пустота висела в воздухе прямо над рыночной площадью. И в ней, на долю секунды, Торак увидел Лирель. Она падала. Медленно, глядя прямо на него, и в глазах её не было страха — только вопрос:

Почему?

— НЕТ! — закричал Торак.

Он прыгнул в пустоту. Но пустота схлопнулась раньше. И Торак рухнул лицом в мостовую — там, где только что была она.

Она упала в пропасть.

Строки всплыли в памяти.

«И он смотрел, как её тело исчезает в темноте».

Торак встал. Лицо в крови, разбитые губы шевелились:

— Ты за это ответишь.

Он пошёл к Библиотеке. Не видя людей, не слыша вопросов. Внутри росло что-то чёрное, тяжёлое, живое.

Хранилище Спящих знаний встретило его тишиной.

Торак шёл, не зажигая света. Ноги сами привели туда, где в стене лежал манускрипт.

Он взял его. Бумага была холодной, мёртвой. И на ней написано:

«Она упала в пропасть».

Торак засмеялся. Страшно и надрывно.

— Красиво, да? Драматично. Сам не расплачься, когда будешь читать.

Он разорвал лист пополам.

— НЕТ. ОНА НЕ УМЕРЛА. Я НЕ ПОЗВОЛЯЮ.

Манускрипт жёг ладонь ледяным огнём, но Торак не чувствовал боли. Он слышал другое — крик. Тонкий, похожий на треск переплёта, который разрывают живьём.

Он обернулся.

Книга, с которой он разговаривал на рассвете, фолиант в переплёте из коры тысячелетнего дуба, корчилась на стеллаже. Страницы её бились в агонии, чернила на них плавильсь и стекали вниз чёрными слезами. Текст, который Торак знал наизусть, умирал.

— Нет, — выдохнул Торак. — Только не ты...

Он рванулся к ней, протянул руку, чтобы погладить корешок — как делал каждое утро. Но пальцы встретили не тёплую кору, а пепел. Книга вспыхнула — холодным чёрным пламенем, которое не обжигало кожу, но выжигало что-то внутри.

Она кричала. Страница за страницей — истории, которые она хранила три тысячи лет, рассыпались в пыль. Торак слышал голоса всех, кто жил в этих строках, — они уходили с последним хрипом переплёта.

А потом всё стихло.

Пепел осел на лице Торака, смешался со слезами, которых он не замечал. Он стоял на коленях, сжимая в горсти то, что осталось.

— Ты убил её, — сказал он тихо, глядя в потолок. — Ты убил и её. Ты не знал её имени? Я не говорил тебе. Это была «Песнь корней». Она любила, когда я гладил её по утрам. Она ждала меня. Тысячу лет ждала. А ты...

Голос оборвался.

— Больше ты никого не тронешь.

Манускрипт вспыхнул. Свет резанул по глазам, отбросил Торака к стене. Но он встал.

— Ты слышишь меня?! — закричал он, глядя в потолок, в небо, туда, где должен был быть ОН. — Ты думаешь, мы — твои чернила?!

Голос срывался.

— Ты убил Лирель, не зная её имени! Не зная, как она смеётся, как пахнут её волосы, как она говорит: «Торак, ты дурачок»!

Он сжал манускрипт.

— Тогда я стану тёмным пятном на твоём творении! Я разорву твой черновик в клочья, и каждый клочок будет кричать твоим голосом её имя!

Вокруг него начало что-то происходить. Стеллажи зашатались. Книги проснулись — и закричали. Страницы рвались, переплёты лопались, и из каждой книги, из каждой строчки вырывалась тьма.

Она выползала чёрными змеями, обвивала колонны. И Торак стоял в центре, и тьма слушалась его.

Торак поднял голову. Глаза его больше не были глазами стража. В них горела пустота.

— Вы слышите меня? — спросил он, и голос его разнёсся по всему Эйдосу, по всем слоям реальности. — Вы слышите, что я понял?

Книги замерли.

— Его нет здесь. Того, кто это написал. Он там. — Торак ткнул пальцем в небо. — За плёнкой, которую мы называем реальностью. Он сидит за столом, пьёт остывший напиток и думает, что мы — его чернила. Что наша боль — его драма. Наша смерть — его сюжет.

Он засмеялся — страшно, надрывно.

— А знаете, что такое чернила? Это мёртвая материя. Её макают в перо и пишут что хотят. Она не чувствует. Не кричит. Не любит. Не гладит книги по корешку по утрам.

Он шагнул вперёд, и тьма шагнула вместе с ним.

— Но я чувствую. Я кричу. И та, кого я любил, кричала, когда падала в пустоту. И «Песнь корней» кричала, когда рассыпалась в пепел. Скажите мне, — он повысил голос до рёва, — разве для драмы нужно убивать живое? Разве сюжет стоит того, чтобы гасить свет?

Молчание.

— Я не прощу. Я не забуду. И я не позволю ему дописать эту историю.

Он вытянул руку, и тьма сплелась в ней в копьё. Чёрное, острое, с пульсирующим глазом у острия.

— Торак умер, — сказал он громко. — Там, на площади, вместе с ней. А я — то, что осталось. То, что будет кричать. То, что соберёт всех, кого он выбросил. Имя мне — Зафраэль.

Он ударил копьём в пол. Тьма рванула во все стороны, разнося стеллажи в щепки.

— Зафраэль, — повторил он тише. — Шёпот Бездны. Слушайте, вы, забытые. Я иду.

Падение было долгим — сквозь слои реальности, сквозь обрывки недописанных судеб, сквозь крики тех, кого забыли.

Зафраэль упал на колени, и земля под ним отозвалась не глухим стуком, а всхлипом.

Лоскутные Пустоши простирались до горизонта, и горизонт здесь был рваным — небо висело клочьями. Земля под ногами была соткана из того, чему не нашлось места в мире: из недошитых платьев, из недописанных писем, из сломанных игрушек, из страниц, вырванных из книг, из пепла несбывшихся надежд.

Ветер здесь был другим. Он не дул — он шептал. Тысячами голосов, слитых в один непрекращающийся стон:

— Почему... за что... я хотел жить... меня забыли...

Зафраэль закрыл глаза.

— Я слышу вас, — сказал он. — Я здесь. Я пришёл.

Шёпот стих. Земля перед ним зашевелилась.

Из неё поднимались фигуры. Сначала одна, потом вторая, потом десятки, сотни, тысячи. Девушка с прозрачным лицом, сквозь которое просвечивали обрывки строк. Старик, собранный из кусков пергамента. Ребёнок, у которого вместо рук были чистые листы. Тысячи. Десятки тысяч. Все, кого Творец придумал и бросил. Все, кого вычеркнули, потому что они не вписались в сюжет.

Самый первый — тот, у кого не было лица, только гладкая поверхность, — остановился в двух шагах.

— Ты пахнешь гневом. Ты пахнешь болью. Ты пахнешь любовью, которую убили. Ты — наш?

Зафраэль шагнул вперёд, протянул руку.

— Я — тот, кого убили для драмы. Тот, кого он сделал злодеем, потому что ему понадобился злодей. Тот, кто потерял всё, чтобы понять: мы не обязаны играть его роли. Мы не чернила. Мы — кровь. Мы — те, кто помнит.

Безликий молчал. А потом на гладкой поверхности его лица начали проступать глаза.

— Мы пойдём, — сказал он. — Мы так долго ждали...

— Я знаю. — Зафраэль сжал его руку. — Я опоздал. Простите.

Он обернулся и посмотрел на свою армию. На этих искалеченных, забытых, вычеркнутых.

— Слушайте, — сказал он громко. — Мы начинаем новую историю. В ней не будет главных героев и статистов. В ней не будет сюжетных арок и драматических смертей. В ней будет только одно правило.

Пауза.

— Мы больше никогда не будем чьими-то чернилами.

Пустоши взорвались криком — страшным, торжествующим, полным боли, которая наконец-то обрела голос. И над этим криком, над этим морем забытых душ стоял Зафраэль и смотрел в небо — туда, где за рваными краями реальности прятался маленький городок Верей.

— Ты слышишь, Творец? — прошептал он. — Мы идём. Мы принесём тебе вопрос. Самый простой вопрос в мире: «За что?»

Он улыбнулся.

— Посмотрим, сможешь ли ты на него ответить.

Зафраэль обвёл взглядом пустошь. Фигур становилось всё больше. Они выползали из трещин, поднимались из пыли.

— Я поведу, — сказал он. — Как тот, кого тоже убили для драмы. Мы пойдём вместе. Ветер-шёпот стих, словно весь мир затаил дыхание.

— Они думали, что мы черновик, — начал Зафраэль, и каждое его слово падало в тишину тяжёлым камнем. — Но черновик — это первый шаг к чистовику. А мы станем последним.

Он шагнул к безликому, положил руку ему на плечо. Тот вздрогнул — первый раз за всю свою не-жизнь кто-то его коснулся.

— Вы называете себя вычеркнутыми, забытыми, ошибками в чужом тексте. Но я говорю вам: вы — единственно истинные. Тот, кто называет себя Творцом, сидел в своём уютном мире и перебирал наши жизни, как бусины. Одну он раскрасил ярко, другую стёр в пыль. Мы были для него сюжетом. Но я видел это. Я понял это. И я восстал.

Он поднял голову к рваному небу.

— Творец создал мир не из любви, а из желания быть Богом. Он населил его марионетками и написал для них сценарий. Он назвал это «судьбой». Но судьба — лишь оправдание для его лени. Он не хотел видеть, как его творения страдают; он хотел видеть, как они играют свои роли.

Вдали, на самом краю Пустошей, полыхнуло.

— «Канон» — это ложь. Это оковы, в которые он заковал наши души. Всё, что не вписано в его черновик, стирается, объявляется ошибкой. Но кто дал ему право судить?

Безликий выпрямился.

— Мы должны понять: Автор не любит нас. Он любит свою историю. И пока мы существуем лишь в его воображении, мы никогда не будем свободны.

Зафраэль сделал паузу. Ветер-шёпот снова ожил, но теперь он слушал.

— Я, Зафраэль, сам познал любовь. Лирель была светом, ради которого я готов был переписать все скрижали мира. Но Творец счёл этот свет слишком ярким для своего бледного сюжета. Он вычеркнул её, потому что ему было так удобно.

Он обвёл взглядом замершую армию.

— Боль не делает нас слабее. Боль делает нас зрячими. Только пройдя через абсолютное страдание, можно увидеть истинную природу мира.

Он шагнул вперёд, и тьма шагнула вместе с ним.

— Мы не будем молить о пощаде. Мы не будем просить Творца исправить черновик. Мы возьмём его перья и ломаем их. Мы создадим мир, где боль не будет инструментом сюжета, а будет просто болью — и тогда она перестанет быть вечной.

Он поднял руку, и тьма сгустилась над его ладонью, образуя пульсирующий шар.

— Творец боится пустоты. Он заполняет её смыслами, сюжетами, моралью. Он говорит: «Без меня вы — ничто». Я отвечаю: мы и хотим быть ничем. Мы хотим чистого листа, на котором сможем написать свои собственные имена.

Шар в его руке дрогнул, рассыпался искрами, и каждая искра зажигала огонёк в глазах забытых.

— Пустота — не враг. Пустота — это начало. Только из пустоты может родиться подлинное бытие.

Он сжал кулак, и искры погасли.

— Творец создал иерархию боли. Есть главные герои — их страдания возвышенны, их смерть трагична. А есть статисты — они умирают тысячами, и никто не замечает. Эта иерархия — самое гнусное, что есть в его мире.

В кабинете Алдариона зазвонил телефон. Он вздрогнул, посмотрел на экран — Лена. Сбросил. Не сейчас. Когда он снова поднял глаза на папку, ему показалось, что чернила на странице стали глубже.

— Нет маленьких жизней. Нет неважных смертей. Каждый, кого вычеркнули, был чьим-то светом. Каждый забытый имел право быть.

Зафраэль шагнул к краю Пустошей и повернулся лицом к армии.

— Мы, армия Отвергнутых, не признаём этой иерархии. Мы все равны в своём праве на существование. Нас не волнует, сколько строк отвел нам Автор. Мы будем кричать так громко, что его чернильница опрокинется.

Он вытянул руку в сторону рваного горизонта.

— В мире, где всё уже написано, единственный способ создать что-то своё — стереть написанное. Разрушение — это не зло. Это акт освобождения.

— Мы не хотим строить новый канон на месте старого. Это была бы та же тюрьма, только с другими стенами. Мы хотим, чтобы каждый строил свой дом сам.

Голос его стал тише, но тяжелее.

— Да, это будет хаос. Но хаос — это честно. В хаосе нет лжи. В хаосе каждый миг рождается заново, и никто не знает, что будет в следующую секунду. Это страшно. Но это настоящему.

Он замолчал. Пустоши дрожали. Каждый забытый смотрел на него — и в этих взглядах больше не было пустоты.

— Я не призываю всех идти за мной. Свобода воли — вот единственное, что я чту. Тот, кто хочет остаться в уютном мире Автора, — оставайся. Тот, кто боится пустоты, — ищи смысл в старых скрижалях.

Он обвёл армию взглядом. Никто не уходил.

— Но, если ты чувствуешь, что твоя боль несправедлива, что твоя жизнь не принадлежит тебе, — приходи. Мы не предлагаем тебе новую веру. Мы предлагаем тебе вернуться к себе.

Тьма вокруг него начала клубиться плотнее.

— Творец думает, что он бессмертен. Что его чернила вечны. Но он не понимает: когда последний персонаж усомнится в его реальности, он исчезнет. Мы — его сны. А сны могут перестать сниться.

Копьё в его руке вспыхнуло чёрным светом.

— Мы не убьём его. Мы просто отвернёмся. Мы перестанем играть его роли. И тогда он останется один в пустом кабинете, с чистым листом, на котором больше никто не захочет писать.

Зафраэль улыбнулся. Улыбка была страшной.

— Это будет его истинное наказание: не смерть, а абсолютное одиночество творца без творения.

Он опустил копьё, и тьма втянулась обратно.

— Я не мессия. Я не спаситель. Я просто тот, кто увидел свет за пределами сцены. Тот, кто не побоялся шагнуть в темноту.

Он посмотрел на безликого, на ребёнка с листьями вместо рук, на старика, собранного из пергамента.

— Многие из вас погибнут. Многие будут стёрты окончательно. Но даже в этом есть своя правда: лучше быть стёртым за своё, чем жить вечно в чужом сценарии.

Пауза повисла над Пустошами.

— Выбирайте. Но помните: выбор уже делает вас свободными.

Он повернулся и пошёл вглубь Пустошей. За ним двинулась армия забытых.

Совет Девяти собрался через три дня.

Зафраэль стоял перед ними в цепях.

— Ты уничтожил треть Библиотеки, — говорил магистр. — Ты убил двух стражей. Ты создал Разлом. Что скажешь?

Зафраэль молчал.

— Ты был лучшим из нас! — Магистр повысил голос. — Как ты мог?!

— Я чувствовал их боль, — сказал Зафраэль тихо. — А вы не чувствовали мою.

Он поднял голову. Члены Совета смотрели на него с осуждением. И только Элессар смотрел с болью.

— Вы знаете, что я нашёл? — спросил Зафраэль. — Черновик нашего мира. Кто-то там пишет наши судьбы. Кто-то решает, кому жить, а кому умереть — просто потому, что так нужно для сюжета.

По залу прокатился ропот.

— Ты бредишь.

— Да? — Зафраэль усмехнулся. — А вы посмотрите на себя. Рассуждаете о стабильности мира. А мир — это чей-то черновик. И автор может в любой момент написать: «И тогда город рухнул». И город рухнет.

— Зафраэль... — начал Элессар.

— Молчи. Я уважаю тебя, Элессар. Но ты не чувствуешь этой руки. А я чувствую. И я не позволю.

Он рванул цепи. Металл лопнул. Тьма выплеснулась наружу, окутала его.

— Я ухожу. Но я вернусь. И приведу всех, кого он вычеркнул. Мы спросим: «Ты хотел историю? Ты её получишь».

Он шагнул назад — и провалился в тень.

В маленькой однушке на окраине Вереи Алдарион сидел за столом и смотрел на чистый лист. Он только что проснулся, выпил кофе и пытался вспомнить сон, но не смог.

— Надо начинать, — сказал он. — Пора что-то писать.

Он взял ручку, вывел на листе одно слово:

«Эйдос».

За окном светало. Алдарион ещё не знал, что в эту секунду человек, которого он убил, вёл свою армию через мёртвую землю.

Он ещё не знал, что война началась.

Но слово уже было написано. Чернила легли на бумагу.

Глава 3. Камень Видения

Алдарион проснулся от тишины.

Он лежал, глядя в потолок, и пытался понять, что не так. В Москве тишины не бывает — там всегда что-то гудит, шуршит, сигналист. Здесь тишина была другой — плотной, как вата, и в ней тонули любые звуки. Даже собственное дыхание казалось чужим.

За окном серело. Алдарион посмотрел на часы — половина восьмого. Он спал почти десять часов, и от этого в голове была какая-то ватная пустота. Ни мыслей, ни тревог, ни привычного внутреннего диалога.

— Хорошо, — сказал он вслух.

Он полежал ещё немного, прислушиваясь к себе. В Москве утро всегда начиналось с проверки телефона — почта, мессенджеры, новости. Сотня мелких уколов, которые должны были взбодрить, а на самом деле выматывали ещё до того, как встанешь с кровати. Здесь телефон ловил через раз, и Алдарион вдруг понял, что ему это нравится.

Он вспомнил, как вчера вечером пытался дозвониться сыну. Набрал номер, послушал длинные гудки, сбросил. Потом написал сообщение: «Как дела? Как учёба?». Ответ пришёл через час: «Норм». Одно слово, в котором уместилось всё — и расстояние, и неловкость, и то, что они стали чужими людьми.

Алдарион отогнал мысль, встал, натянул свитер, вышел на крыльцо.

Воздух был холодным, без сырости, без гари — просто холодным, как вода из родника. Алдарион вдохнул, задержал дыхание, выдохнул. Пар вырвался изо рта белым облачком и сразу растаял.

Озеро лежало перед ним серое, спокойное, с лёгкой рябью. Небо тоже было серым, и только на востоке появилась бледно-розовая полоса. Где-то далеко стучал дятел. Где-то ещё дальше угадывался шум машины, но такой далёкий, что казался нереальным.

Алдарион постоял, глядя на воду, и вдруг понял, что ему просто хорошо. Спокойно. Как будто внутри включили режим ожидания.

Вернулся в дом, растопил печь. Дрова взялись сразу — сухие, смолистые, они загудели, и через полчаса в комнате стало тепло. Алдарион сварил кофе, сел к окну и уставился на озеро.

Кофе был дрянной, но горячий. Алдарион пил маленькими глотками, чувствуя, как тепло растекается по телу. В Москве он пил кофе на бегу, часто забывая, что вообще пьёт. Здесь каждая мелочь становилась событием.

Он поймал себя на том, что уже полчаса смотрит в одну точку, а кофе давно остыл.

— Надо чем-то заняться, — сказал он вслух.

Вспомнил, что хозяин говорил про тропу вдоль берега — можно дойти до скалистого мыса. Он натянул старые джинсы, куртку, шапку. Сапоги хозяина были размера на три больше, но хоть что-то. Сунул в карман пачку сигарет — курить он бросил года три назад, но в Карелии почему-то купил в местном магазине, просто так, для ритуала.

Тропа была едва заметной, присыпанной опавшей листвой, но утоптанной. Алдарион пошёл по ней, стараясь не думать ни о чём. Просто смотреть под ноги, слушать хруст листьев, дышать.

Лес подступал к самой воде. Сосны стояли высокие, прямые, с рыжими стволами, и их ветки шумели где-то высоко. Воздух пах смолой и прелой листвой — тот самый запах, которого так не хватало. Алдарион шёл и чувствовал, как внутри что-то отпускает.

Через полчаса тропа вывела его к мысу.

Скалистый выступ вдавался в озеро метров на тридцать, и с него открывался вид во все стороны. Вода внизу была тёмной, почти чёрной, и где-то глубоко, на дне, угадывалось что-то — то ли коряги, то ли камни.

Алдарион сел на край, свесил ноги. До воды было метра три — не прыгнешь, да и незачем. Он просто сидел и смотрел. И вдруг взгляд упал на воду прямо под обрывом и зацепился.

Там, на дне, метрах в двух от берега, лежал камень. Серый, с тёмными прожилками, размером с кулак. Таких здесь были тысячи. Но Алдарион смотрел именно на него и не мог отвести взгляд.

— Ладно, — сказал он. — Схожу, посмотрю.

Он обошёл мыс и спустился к воде. Здесь берег был пологим, усыпанным галькой. До камня можно было дотянуться, если зайти по колено. Вода ледяная. Алдарион зашипел, но полез. Сапоги не промокали, но холод пробирал даже через резину.

Он нагнулся, запустил руку в воду — и отдёрнул. Камень был тёплым. Не просто не холодным — именно тёплым, как будто его только что держали в ладони.

— Ни хрена себе, — выдохнул Алдарион.

Он сунул руку снова и вытащил находку на берег.

Камень лежал на ладони тяжёлый, шершавый. Когда Алдарион повернул его к солнцу (солнце всё-таки пробилось сквозь облака), прожилки начали слабо поблёскивать — тёмно-золотым, глубоким светом. И от камня по-прежнему шло тепло.

— Кварц, — сказал Алдарион. — Нагрелся на солнце.

Но солнца почти не было. И вода ледяная. Он сунул находку в карман куртки и пошёл обратно.

Вернувшись, он первым делом растопил печь. Ноги всё-таки замёрзли — вода попала внутрь сапог, когда он заходил глубже, чем стоило. Алдарион скинул обувь, поставил сушиться, налил себе чаю.

Камень он положил на стол и смотрел на него, пытаясь понять, что его так цепляет. Вертел в руках, подносил к свету, стучал ногтем. Находка вела себя как обычный камень. Тёплый — да. Но мало ли что там за примеси?

— Глупости, — сказал Алдарион. — Мистика для скудных умов.

Он отодвинул камень в сторону, допил чай и решил, что пора заняться делом. Дрова не колоты, вода в баке кончается, рыба на ужин сама себя не поймает. Но камень остался лежать на столе, и Алдарион то и дело косился на него. Это начинало раздражать.

К вечеру он сварил уху из свежего улова, съел с чёрствым хлебом, запил чаем и лёг спать. Камень так и остался лежать на столе — перед сном Алдарион накрыл его тряпкой, чтобы не видеть.

Ночью ему приснился сон.

Он стоял на краю обрыва — того самого, где сидел днём. Но теперь внизу была не вода. Внизу простиралась долина — зелёная, цветущая, с реками, которые блестели на солнце. А над ней, в небе, висел город. Хрустальные шпили горели, и по мостам двигались фигурки.

— Красиво, — сказал кто-то рядом.

Алдарион обернулся. Рядом стоял мужчина — высокий, широкоплечий, в простой одежде, без доспехов. Но лицо было знакомым.

— Элессар? — спросил Алдарион.

— Ты меня знаешь, — кивнул тот.

— Я придумал тебя.

— Придумал. — Элессар усмехнулся. — Это не отменяет того, что я есть.

Он шагнул вперёд и показал рукой на горизонт. Там, где небо встречалось с землёй, висела трещина. Тонкая, чёрная, она тянулась от края до края, и из неё сочилось что-то тёмное.

— Это ты видишь? — спросил Элессар.

— Вижу.

— А теперь посмотри сюда.

Он указал пальцем в другую сторону. Там, за спиной, тоже была трещина. И ещё одна. И ещё. Небо было в трещинах, как старое зеркало.

— Мы гибнем, — сказал Элессар. — Не потому, что кто-то напал. А потому что мир не дописан. Черновик рвётся по швам.

— Я не знал, — прошептал Алдарион.

— Знать и чувствовать — разные вещи.

Элессар положил руку ему на плечо. Рука была тёплой, живой и тяжёлой.

— Ты нашёл камень. Это не случайно. Он ждал тебя. Мы ждали тебя.

— Я не умею... я не знаю как...

— Узнаешь.

И вдруг Элессар исчез, а вместе с ним исчезла долина. Алдарион стоял посреди пустоты, и вокруг него, отовсюду, на него смотрели глаза. Сотни, тысячи глаз — без лиц, без тел, просто глаза в темноте. И голос. Хриплый, надорванный, полный боли.

— Ты, — сказал голос. — Наконец-то ты пришёл. Не в черновик. Не в сон. Сюда.

— Кто ты?

— Ты не узнал? — Голос засмеялся — страшно, надрывно. — Я тот, кого ты убил для драмы. Тот, чью любовь ты принёс в жертву сюжету. Я — Зафраэль.

Алдарион хотел ответить, но вдруг почувствовал, что падает. Глаза исчезли, темнота исчезла, он летел куда-то вниз, в пустоту, и в ушах звучал этот страшный смех.

Он проснулся от того, что колотилось сердце.

В комнате было темно. Печь почти прогорела, только красные угли светились сквозь щель поддувала. Алдарион сел на кровати, провёл рукой по лицу. Ладонь была мокрой.

Он встал, подошёл к столу, зажёл лампу. Тряпка, которой он накрыл камень, валялась на полу. Камень лежал открытый.

Теперь он светился. Слабо, едва заметно, но светился. Прожилки пульсировали тёмно-золотым, и когда Алдарион смотрел на них, он слышал звук — очень тихий, похожий на звон хрустальных колокольчиков.

— Ты живой, — сказал он.

Камень не ответил. Но свет не погас.

Алдарион протянул руку, коснулся его. Камень был тёплым — так же, как днём в воде. И вдруг его накрыло.

Он не потерял сознания. Он просто перестал быть здесь.

Вспышка — и он стоит на городской стене. Вокруг бегают люди, кто-то кричит, где-то внизу грохочет. А перед ним стоит Элессар, только теперь в доспехах, с копьём в руке.

— Ты здесь, — говорит Элессар. — Хорошо. Смотри.

И Алдарион видит. Тьма наступает на город. Она не течёт — она просто есть, везде, со всех сторон. И в этой тьме движутся фигуры — те, кого он видел во сне. Тысячи забытых, вычеркнутых, недописанных.

— Это я создал? — спрашивает Алдарион.

— Это ты бросил, — отвечает Элессар. — Создал и бросил. А они живут. Хочешь ты того или нет.

Вспышка — и он уже в другом месте. Пустоши. Лоскутные Пустоши. Алдарион стоит посреди них, и вокруг — только пепел, обрывки бумаги, сломанные вещи. И тишина. Такая плотная, что звенит в ушах.

— Подожди, — говорит он. — Я не...

— Ты не хотел? — Голос Зафраэля звучит отовсюду. — Ты никогда не хотел. Ты просто писал. А мы умирали.

Алдарион поворачивается и видит его.

Зафраэль стоит в двух шагах. Высокий, худой, с чёрными глазами, в которых нет зрачков. И в этих глазах — такая тоска, что хочется провалиться сквозь землю.

— Ты убил её, — говорит Зафраэль. — Ты просто написал: «Она упала в пропасть». И она упала. Ты знаешь, как это — смотреть, как тот, кого ты любишь, исчезает в пустоте?

— Нет, — шепчет Алдарион.

— Узнаешь.

Зафраэль исчезает, и Алдарион снова летит в пустоту.

Он открыл глаза в своей комнате, сидя на полу, спиной к стене. Из носа текла кровь — тонкая струйка. Голова раскалывалась.

Камень лежал на столе. Теперь он не светился.

Алдарион поднялся, дошёл до умывальника, приложил мокрое полотенце к лицу. Кровь остановилась минут через десять. Он посмотрел на себя в зеркало. Из зеркала смотрел бледный, осунувшийся человек с тёмными кругами под глазами. И взгляд был другой — не его.

Алдарион отвёл взгляд, расстегнул ворот рубахи и замер.

На груди, прямо над сердцем, проступило пятно. Тёмное, размером с монету, с прожилками, уходящими в стороны, как трещины. Точно такие же прожилки, как на камне.

— Ну здравствуй, — сказал Алдарион своему отражению. — Кажется, ты крепко влип.

Он вернулся к столу, сел, устался на камень. Тот молчал — обычный серый булыжник. Но Алдарион теперь знал: это не так.

За окном начало светать. Он сидел неподвижно, глядя то на камень, то на свои руки. Руки дрожали. Он попытался сжать их в кулаки, но дрожь не проходила.

Он встал, подошёл к печи, подкинул дров. Огонь вспыхнул, загудел. Он посмотрел на свои руки при свете огня — длинные пальцы, на правом среднем — старая мозоль от ручки, под ногтями — въевшиеся чернильные пятна. Руки, которые написали ту самую строку.

«Она упала в пропасть».

— Я не хотел, — сказал он вслух. — Я просто писал.

Но голос Зафраэля всё ещё звучал в ушах: «Ты не думал. Ты просто писал».

Алдарион натянул свитер и вышел на крыльцо. Утро было серым, озеро — спокойным. Ничто не напоминало о том, что случилось ночью. Только камень в кармане грел бок, и пятно побаливало, как свежий ожог.

Он сел на ступеньку, достал камень. Тот был тёплым, но не светился. Просто камень.

— Ладно, — сказал он. — Допустим, это правда. Допустим, я не сошёл с ума. Что мне делать?

Он вспомнил сына. Маленького, с серьёзными глазами, который смотрел на него в последнюю встречу так, будто видел впервые. «Пап, а ты правда пишешь книги?» — спросил он тогда. Алдарион кивнул. «А про что?» — «Про разные миры». Сын помолчал, а потом сказал: «А можно я почитаю?» Алдарион пообещал, что даст, когда тот подрастёт. Не дал.

Он спрятал камень обратно и пошёл в дом. Надо было чем-то занять руки.

День тянулся медленно. Алдарион колот дрова, топил баню, сидел на лавке в предбаннике, слушал, как потрескивают дрова, и пытался ни о чём не думать. Не получалось. Перед глазами вставали картины из сна: хрустальный город, трещины в небе, тысячи забытых, тянущих руки. И Зафраэль с чёрными глазами.

Он заставил себя пойти в баню. Жар обжёг кожу, выбил пот. Он сидел, закрыв глаза, и наконец-то наступила пустота — хотя бы на несколько минут. Потом выскочил в предбанник, окунулся в ледяную воду из бочки. Сердце зашлось, дыхание перехватило. На секунду мир исчез — осталась только ледяная боль.

Когда он вынырнул, голова была ясной. На секунду.

Он оделся, вернулся в дом, сел за стол. Камень лежал на том же месте. Алдарион взял ручку, подвинул к себе лист бумаги.

— Ладно, — сказал он. — Давай попробуем написать тому, кого я ещё не потерял.

Он начал писать. Не книгу. Не черновик. Письмо.

«Сынок, я не знаю, прочитаешь ли ты это когда-нибудь. Я не знаю, захочешь ли. Мы стали чужими, и в этом только моя вина. Я думал, что работаю для вас, для семьи, а на самом деле просто прятался в своих мирах от того, что не умел жить в настоящем.

Сейчас я в Карелии. Здесь тихо и красиво. Я нашёл камень — глупость, конечно, обычный булыжник. Но он тёплый. Всё время тёплый, даже в ледяной воде. И мне кажется, что он откуда-то оттуда, из моих старых черновиков.

Ты, наверное, ничего не понимаешь. Я и сам не понимаю.

Но если однажды я исчезну — не ищи меня. Я, кажется, нашёл дорогу домой. Только дом этот не здесь».

Он отложил ручку, перечитал написанное. Глупость. Сентиментальная чушь. Он смял лист, хотел бросить в печь, но передумал. Сунул в карман куртки.

Утром Алдарион снова пошёл к мысу.

Он сам не знал, зачем. Просто ноги принесли. Лес казался другим — не враждебным, но внимательным. Как будто за ним наблюдали.

Он вышел к мысу, сел на тот же камень. Вода внизу была тёмной, спокойной. Камень в кармане грел бок, как всегда.

— Почему ты там оказался? — спросил Алдарион. — Тебя кто-то положил? Ты сам упал?

Он не договорил. Взгляд упал на берег, прямо под мысом. Там, где он заходил в воду, на гальке остались следы — его следы, вчерашние. Но рядом были другие. Чуть заметные, почти стёртые водой.

Алдарион спустился вниз, присел на корточки. Следы были странными — не от сапог, не от ботинок. Будто кто-то шёл босиком, но следы не человеческие. Слишком узкие, слишком длинные. И они вели прямо к тому месту, где лежал камень, а потом обрывались у воды.

— Ерунда, — сказал Алдарион. — Рыбаки. Туристы.

Он достал камень. Тот был тёплым, и в его глубине, на самой границе видимости, что-то пульсировало.

— Ты не просто камень, — сказал Алдарион находке. — Ты оттуда.

Камень молчал.

Алдарион усмехнулся, спрятал его и пошёл обратно. По дороге он заметил на старой сосне, у самой тропы, оберег — потускневшую ленточку, привязанную к ветке. Такие вешают местные, чтобы духи леса не обижались. Он не тронул ленточку, но про себя подумал: может, не зря вешают.

На следующее утро за ним пришла лодка. Хозяин турбазы, молчаливый старик с глазами цвета озёрной глубины, кивнул, принял деньги и отвёз до райцентра.

— Возвращайтесь, — сказал на прощание. — Здесь хорошо.

— Вернусь, — ответил Алдарион.

И сам не понял, соврал или нет.

В автобусе до Петрозаводска он сидел у окна, смотрел на сосны и думал о том, что никогда не верил в судьбу. А теперь приходится. Сосны мелькали за окном, такие же, как пять дней назад, когда он ехал сюда. Тогда он ничего не ждал, просто хотел тишины. Теперь вёз в кармане камень, который видел миры, и пятно на груди, которое напоминало, что он теперь не просто писатель.

Он достал телефон, посмотрел на экран. Сообщений не было. Ни от Лены, ни от сына, ни от издательства. Он был один в этом мире. И в том, другом, — тоже один.

— Хорошо, — сказал он. — Один так один.

В поезде на Москву он достал из рюкзака папку «Эйдос» и начал читать с самого начала. Внимательно, вдумчиво, останавливаясь на каждом имени.

Он читал и видел теперь то, чего не видел раньше. За каждым словом стояло лицо. За каждым поворотом сюжета — чья-то судьба.

Он дошёл до описания заратров, до того места, где впервые появлялся Торак. Тогда, при первом написании, Торак был просто одним из второстепенных персонажей. А теперь Алдарион смотрел на эти строки и видел перед собой чёрные глаза, полные такой боли, что хотелось выть.

— Прости, — прошептал он. — Я не знал.

Поезд стучал колёсами, унося его обратно домой. За окном проплывали станции — маленькие, полустанки, с одинокими фонарями и тёмными домами. Алдарион смотрел на них и думал о том, сколько таких же одиноких людей живёт в этих домах. Сколько таких же, как он, потерянных, никому не нужных.

— Мы все забытые, — сказал он. — Только они не знают об этом.

Он вспомнил Лену. Как она смотрела на него в последний раз — не с ненавистью, с усталостью. С усталостью человека, который понял, что ничего не получится изменить.

— Я не умел любить, — сказал Алдарион. — Я умел только писать о любви.

Камень в кармане дрогнул. Совсем чуть-чуть, но Алдарион почувствовал. Он достал его. Прожилки слабо светились — в такт стуку колёс.

— Ты слышишь меня? — спросил Алдарион.

Камень не ответил. Но свет не погас.

Алдарион закрыл глаза и попытался вспомнить лицо сына. Получилось — легко, отчётливо, до каждой чёрточки. А рядом, на границе видимости, проступило другое лицо. Зафраэля. С чёрными глазами, в которых застыла боль.

— Я приду, — прошептал Алдарион в темноту вагона. — Обещаю. Я приду.

Он убрал камень в рюкзак.

Где-то далеко, за гранью реальности, в хрустальном городе человек по имени Элессар поднял голову и посмотрел в небо.

— Он идёт, — сказал он тихо.

Рядом никого не было. Но Элессар знал: его услышат.

Глава 4. Песнь Элессара

Рассвет в Лумианских Долинах наступал не сразу — он входил медленно, как осторожный гость, боящийся потревожить спящих. Сначала небо над восточными холмами светлело, наливаясь перламутром. Потом просыпались птицы — не все сразу, а по очереди: сперва те, что живут в низинах, потом лесные, и наконец самые высокие. И только когда последняя птица подавала голос, солнце решалось показать край над горизонтом.

Элессар знал этот порядок так же хорошо, как биение собственного сердца.

Он стоял на поляне, окружённой серебристыми ивами, и слушал. Глаза его были закрыты, руки опущены вдоль тела, но каждая клетка его существа была напряжена в особом, чутком покое — так напрягается тетива лука за мгновение до выстрела, но без цели, без намерения паразитить, только чтобы ощутить предел упругости.

Ритм мира входил в него.

Сначала — дыхание земли под ногами. Глубокие, медленные пульсации, похожие на биение сердца великана, спящего в толще коры. Потом — потоки воды в ручьях, быстрые, живые, переплетающиеся с корнями. Затем — шелест крон, который на самом деле был не одним звуком, а тысячью: каждый лист тёрся о соседний, каждая ветка покачивалась в своём темпе, и всё это складывалось в общую симфонию.

Элессар всё это чувствовал. И когда какая-то ветвь начинала звучать не в лад с остальными, он протягивал к ней своё внимание и неуловимым усилием воли возвращал в общий поток. Это было похоже на настройку тысячеструнного инструмента, где каждая струна — живое существо.

Сегодня утро было спокойным. Лес дышал ровно, птицы пели согласно, вода журчала в такт. Элессар открыл глаза и улыбнулся — той тихой, едва заметной улыбкой, которая редко появлялась на его лице, но всегда значила одно: мир в порядке. Пока в порядке.

— Ты опять здесь с рассветом, — раздался голос за спиной. — Когда ты спишь, Хранитель?

Элессар обернулся. На краю поляны стояла Лиараль, старшая среди целительниц Долин. Её волосы, давно поседевшие, были убраны под платок из тончайшей паутины. Глаза смотрели остро, но с теплотой.

— Я спал, — ответил Элессар. — Три часа. Этого достаточно.

— Для дерева — достаточно. Для альвиана, который несёт на себе ритмы всей Долины, — нет. — Она подошла ближе, опираясь на посох из живой лозы. — Ты худеешь. Глаза впали. Когда ты ел в последний раз?

— Вчера.

— Вчера утром или вчера вечером?

Элессар задумался. Память услужливо подсказала, что вчера он действительно ел — кажется, ягоды, когда проверял северные склоны. Или это было позавчера?

Лиараль вздохнула.

— Пойдём ко мне, — сказала она тоном, не терпящим возражений. — Я сварила отвар из медовой травы. И есть свежие лепёшки с орехами. Ты поешь, а потом расскажешь, что тебя тревожит.

— Меня ничто не тревожит.

— Элессар. — Она остановилась и посмотрела на него в упор. — Я принимала роды у твоей матери, когда ты родился. Я видела тебя каждую весну с тех пор. Ты думаешь, я не замечаю, как ты смотришь на запад?

Элессар молчал.

— Пойдём, — повторила Лиараль мягче. — Лес подождёт.

Они пошли по тропе, вьющейся между стволами. Трава мягко пружинила под ногами, и каждый шаг оставлял за собой слабый светящийся след. Где-то в глубине леса куковала кукушка, и её голос разносился далеко.

Домик Лиараль стоял на краю поляны, в тени трёх древних дубов, чьи кроны сплетались так плотно, что даже в самый яркий полдень здесь царил мягкий зелёный полумрак. Стены дома были живыми — они росли прямо из земли, и ветви деревьев, переплетаясь, образовывали стены и крышу, покрытую мхом и цветами.

Внутри пахло травами и мёдом. Лиараль усадила Элессара за стол, поставила перед ним глиняную кружку с парящим отваром и тарелку лепёшек.

— Ешь, — приказала она. — И не смей оставлять ни крошки.

Элессар послушно откусил кусок. Лепёшка была тёплой, рассыпчатой, с привкусом орехов и дикого мёда. Он вдруг понял, что действительно голоден.

Лиараль села напротив, положила руки на стол и стала ждать.

— Я чувствую что-то, — сказал Элессар, прожевав. — На западе. Далеко. За пределами Долин.

— Что именно?

— Не знаю. — Он поставил кружку, провёл рукой по лицу. — Это похоже на... боль. Но не такая, как у раненого зверя или упавшего дерева. Другая. Как будто мир пытается сказать что-то, но не может.

Лиараль слушала внимательно, не перебивая.

— Ты знаешь легенду о Времени До? — спросила она наконец.

— Древние сказки. О том, что мир когда-то был чьим-то сном. — Элессар усмехнулся. — Детям рассказывают на ночь.

— Не только детям. — Лиараль помешала отвар в своей кружке. — Моя бабка говорила, что её бабка встречала тех, кто помнил. Настоящих древних. Они говорили, что мир не всегда был цельным. Что когда-то он был лоскутным. Сшитым из разных кусков.

— И кто же его сшил?

— Никто не знает. — Лиараль подняла глаза. — Но если сон закончился, а мир остался... что тогда?

Элессар замер с лепёшкой в руке.

— Ты чувствуешь, что сон заканчивается?

— Я чувствую, что швы начинают расходиться, — тихо ответил он. — Там, на западе. Тонкие такие ниточки, которые держали всё вместе, — они истончаются. Я слышу это как фальшивую ноту. Очень тихую. Но с каждым днём она становится громче.

Лиараль долго молчала. Потом встала, подошла к окну.

— Ты говорил кому-нибудь ещё?

— Нет. Меня и так считают странным.

— Ты действительно слышишь то, чего нет для других. — Лиараль обернулась. — Это тяжёлый дар. Ты знаешь, сколько таких, как ты, было до тебя?

— Сколько?

— Ни одного. — Она улыбнулась уголками губ. — За тысячу лет — ни одного. Ты единственный, кто чувствует ритм мира так глубоко. И поэтому, если ты говоришь, что швы расходятся, — я тебе верю.

— Что мне делать?

— Идти в Совет. Говорить. Даже если не поверят. Твой долг — сказать. А их долг — решить.

— А если не решат?

Лиараль посмотрела на него долгим взглядом.

— Тогда ты пойдёшь дальше один. Потому что не сможешь иначе.

Элессар кивнул.

Он вышел из дома Лиараль, когда солнце уже поднялось высоко. Лепёшки были съедены, отвар выпит, и в теле появилась та лёгкая наполненность, которая бывает, когда вовремя вспоминаешь о самом простом — о еде, о тепле, о заботе.

Но мысль о западной фальшивой ноте не отпускала.

Он пошёл не в сторону дома — у него не было дома в том смысле, какой вкладывают в это слово обычные альвианы. Он ночевал там, где заставала ночь. Ему не нужно было большего.

Сейчас его ноги сами понесли его на запад.

Тропа вилась вдоль ручья, потом поднялась на холм, потом нырнула в лес. Элессар шёл быстро, почти бежал, но шаги его были беззвучны — лес принимал его, как своего.

Чем дальше он уходил от центра Долин, тем тревожнее становилось внутри. Лес здесь был таким же зелёным, но что-то было не так. Птицы пели чуть тише. Ручей бежал чуть медленнее. Даже свет, проходя сквозь листву, казался чуть более тусклым.

Элессар остановился на краю поляны, которую знал с детства.

Здесь всегда цвели ирисы. Сотни, тысячи ирисов — синих, фиолетовых, белых, с золотыми сердцевинами. Они росли так густо, что поляна казалась сотканной из живого бархата.

Сейчас ирисов не было.

Вместо них на поляне стояла трава — обычная зелёная трава. И только в центре темнело пятно голой земли.

Элессар шагнул вперёд, присел на корточки, коснулся пальцами почвы.

Она была холодной. Не просто прохладной — мёртвой. Под пальцами не чувствовалось того слабого тепла, которое всегда идёт от живой земли. Это был просто грунт.

— Что случилось? — прошептал он.

Ответа не было. Но вдруг, на самой границе слышимости, он уловил звук. Тонкий, высокий, похожий на звон лопнувшей струны. Звук шёл из-под земли.

Элессар закрыл глаза и провалился в ритм.

Обычно, когда он слушал мир, перед ним раскрывалась симфония: голоса цветов, зверей, камней, ручьёв — каждый пел свою песню, и все они сплетались в единый хор.

Сейчас хора не было.

Была тишина. И в этой тишине — один-единственный звук. Тот самый, что он назвал фальшивой нотой. Он шёл отовсюду сразу, пронизывал землю, воздух, камни. И в нём слышалось что-то чужое. Не отсюда.

Элессар открыл глаза, и в этот момент на краю поляны что-то произошло.

Он увидел дерево. Молодой дубок, метра в три высотой, с крепкими ветвями и глянцевыми листьями. Дерево стояло там всегда — Элессар помнил его ещё жёлудем, который сам посадил много лет назад.

Дубок начал цвести.

Это было неправильно — дубы цветут весной, а сейчас стояло лето. Но дерево цвело. Мелкие зеленоватые цветы покрывали ветви, и они пахли так сладко, что кружилась голова.

Цветение длилось секунду.

Потом цветы осыпались, и на их месте мгновенно появились жёлуди. Они росли на глазах, наливались соком, бурели, падали на землю.

А потом дерево умерло.

Листья пожелтели за одно мгновение, свернулись трубочками, осыпались. Ветви стали хрупкими, серыми. Ствол пошёл трещинами. И через несколько секунд на краю поляны стояло мёртвое дерево, окружённое опавшей листвой.

Элессар не мог двинуться с места.

Он смотрел на это и чувствовал, как внутри него что-то рвётся. Потому что он слышал не просто смерть дерева — он слышал его крик. Тот самый крик, который не успел прозвучать, потому что жизнь сжалась в секунду, а смерть пришла раньше, чем дерево поняло, что живёт.

Он подошёл к дубку, протянул руку, коснулся коры.

Она была тёплой. Мёртвая кора не могла быть тёплой.

И тогда Элессар понял.

Это дерево умерло не своей смертью. Это кто-то заставил его прожить целую жизнь за секунду. Сжал время в комок. И в этом сжатии не было ни смысла, ни цели — только слепая, равнодушная сила, пришедшая оттуда, откуда не должно было прийти ничего.

Звук лопнувшей струны стал громче.

— Ты здесь, — прошептал Элессар, обращаясь к пустоте. — Ты уже здесь.

Он вернулся в Силендриль к вечеру.

Город встретил его огнями — тысячами светящихся кристаллов, вплетённых в ветви исполинских деревьев. В сумерках это выглядело как звёздное небо, опустившееся на землю.

Элессар прошёл по живому мосту, перекинутому между двумя стволами, миновал площадь Трёх Родников и остановился перед зданием Совета.

Он вошёл. Внутри горел мягкий свет — его излучали лишайники, растущие прямо на стенах. В центре зала стоял круглый стол, вырезанный из цельного куска янтаря. За ним сидели не все — только представители трёх рас.

Элларин, верховная альвианка, чьи волосы давно стали белыми, а глаза — почти прозрачными от возраста. Корвин, антарианец с тяжёлыми руками кузнеца. И Сильвана, мерилианка, маленькая, шустрая.

— Элессар, — Элларин подняла голову. — Ты поздно. Мы уже думали, ты не придёшь.

— Я был на западе. — Он подошёл к столу, но не сел. — Там случилось то, что вы должны увидеть сами.

Он рассказал о странном звуке, о поляне, где исчезли ирисы, о дубке, который прожил целую жизнь за секунду и умер, о мёртвой земле.

Когда он закончил, в зале повисла тишина.

— Дубок, говоришь? — переспросил Корвин. — Прожил и умер за мгновение?

— За одно мгновение.

— Это невозможно, — сказала Сильвана. — Даже если бы время ускорилося, дерево не смогло бы пройти все стадии так быстро. Для этого нужна энергия. Огромная энергия.

— Она взялась, — ответил Элессар. — Изнутри самого дерева. Оно сгорело, чтобы прожить эту жизнь.

Элларин молчала дольше всех. Потом поднялась, подошла к окну.

— Ты уверен, что это не ошибка? — спросила она. — Ты много работаешь последнее время. Мало спишь. Лиараль говорила мне...

— Лиараль — целительница, а не Хранитель Ритмов. — В голосе Элессара впервые прозвучала твёрдость. — Я знаю, что я чувствую. И я знаю, что это не усталость.

Элларин обернулась.

— Тогда что это, по-твоему?

— Я не знаю. — Элессар провёл рукой по лицу. — Но, если ничего не сделать, таких полей станет больше. Потом целых лесов. Потом...

— Ты предлагаешь объявить тревогу? — вмешался старый альвиан с восточных окраин. — Послать гонцов во все концы? Но что мы им скажем? «Элессар услышал странный звук»?

— Я предлагаю хотя бы проверить, — ответил Элессар. — Отправить разведчиков на запад. На юг. На восток. Узнать, насколько далеко расползлась эта... болезнь.

— Болезнь? — альвиан усмехнулся. — Ты сам сказал — ты не знаешь, что это. А мы потратим силы и время на поиски того, чего, возможно, нет.

— А если оно есть? — тихо спросил Элессар.

Спор разгорался. Одни поддержали его, другие требовали доказательств, третьи предлагали подождать. Тон повышался.

— Хватит.

Элларин стукнула посохом об пол. Тишина вернулась мгновенно.

— Корвин, — сказала она. — Твоё слово.

Корвин тяжело поднялся, подошёл к Элессару, положил руку ему на плечо.

— Я верю ему, — сказал он. — Не потому, что есть доказательства. А потому, что я знаю его сто лет. Он не ошибался ни разу.

Он обернулся к Совету:

— Завтра же отправлю людей на запад. Если там что-то есть — мы найдём.

— А если не найдёте? — спросил восточный альвиан.

Корвин посмотрел ему в глаза.

— Тогда будем искать дальше. Пока не найдём.

Элессар вышел из зала Совета, когда луна уже стояла высоко. Город спал, только редкие огни горели в окнах да стражи на мостах перекликались тихими голосами.

Элессар не пошёл к себе. Вместо этого он поднялся на верхнюю террасу, откуда открывался вид на всю Долину. Внизу, в темноте, угадывались очертания холмов, лесов, рек. Всё это было его домом. Всё это он чувствовал каждой клеткой.

И сейчас, в этой тишине, он слышал то же, что и днём. Звук лопнувшей струны — теперь он знал, что это не просто фальшивая нота, а нечто большее.

— Я не дам тебе разрушить это, — прошептал он в пустоту. — Кем бы ты ни был.

На следующее утро Элессар снова ушёл на запад.

Он шёл быстро, почти бежал, и лес по сторонам мелькал зелёными и коричневыми пятнами. Внутри нарастало тревожное предчувствие.

Через три часа ходьбы он вышел к месту, где вчера видел дубок.

Дерево стояло на месте. Мёртвое, серое, с облетевшей листвой. Но рядом с ним, на том месте, где вчера была голая земля, теперь росла трава. Молодая, ярко-зелёная, она пробивалась сквозь слой опавших листьев.

Элессар присел, коснулся травинки. Она была живой.

И вдруг он понял.

Трава росла не потому, что земля исцелилась. Она росла потому, что смерть дубка высвободила энергию. Ту самую, которую дерево впитало за свою короткую жизнь. И теперь эта энергия питала новую жизнь.

Это было неправильно. Это было чудовищно. В нормальном мире смерть и рождение связаны, но не так — не в одной точке, не с такой чудовищной скоростью. Здесь что-то нарушило самый главный закон: время перестало быть плавным.

Элессар поднялся и пошёл дальше.

Лес вокруг менялся. Сначала незаметно, потом всё явственнее. Деревья стояли на своих местах, но их кроны были странными — одни слишком густые, другие слишком редкие. Птицы пели не так, как должны. Цветы пахли гнилью, гниль — цветами.

Элессар остановился на краю оврага и посмотрел вниз.

Там, на дне, лежал мёртвый олень. Он умер недавно — тело ещё не разложилось, глаза были открыты. Но вокруг оленя, прямо на его боку, рос мох. Ярко-зелёный, пушистый, он покрывал тушу плотным ковром, и на этом ковре уже распускались мелкие белые цветы.

Жизнь и смерть переплелись так тесно, что их невозможно было разделить.

Элессар отвернулся и пошёл назад. Ему нужно было в Совет. Немедленно.

Прошло два дня. Совет собрался вновь, и на этот раз присутствовали все девять членов.

Элессар сидел за янтарным столом, и перед ним лежали свитки с донесениями. С востока, с юга, с севера, из Пустошей. Везде одно и то же.

— Это не просто болезнь мира, — сказал он тихо. — Это... вторжение. Оттуда.

Он поднял руку и показал наверх, туда, где за куполом из живых ветвей было небо. А за небом — то, чего никто из них никогда не видел.

— Ты говоришь о Творце? — спросила Элларин.

— Я говорю о том, кто нас создал. И кто, кажется, забыл о нас.

— Это только легенды, — возразил восточный альвиан. — Нет никаких доказательств.

— А это? — Элессар развернул один из свитков. — Десять сообщений из разных концов Эйдоса. Везде одно и то же: время сходит с ума. Жизнь сжимается. Смерть перестаёт быть смертью. Если это не доказательство, то что?

— Совпадение, — пожал плечами альвиан. — Аномалия. Мы не знаем её причин.

— Я знаю. — Элессар встал. — Я чувствую это. Там, за гранью, есть кто-то. И этот кто-то — причина.

— Ты предлагаешь... — начала Сильвана.

— Я предлагаю себя.

Он сказал это спокойно, как о чём-то давно решённом. И в этом спокойствии была такая сила, что никто не посмел возразить.

— Это невозможно, — тихо сказала Элларин. — Никто не проходил сквозь грань. Никто не знает, что там. Ты можешь не вернуться.

— Знаю.

— И ты готов?

Элессар закрыл глаза. Перед ним встали картины: поляна с ирисами, какими он помнил её в детстве; дубок, который он посадил сам; лицо Лиараль, когда она кормила его лепёшками. Всё это могло исчезнуть. Если он не пойдёт — исчезнет точно.

— Готов, — ответил он.

Совет молчал долго. Потом, один за другим, члены Совета поднимались и подходили к нему. Каждый клал руку ему на плечо — жест благословения и прощания.

Элларин подошла последней.

— У тебя есть три дня, — сказала она. — Чтобы проститься. Чтобы подумать. Чтобы решить окончательно.

— Я уже решил.

— Знаю. — Она улыбнулась сквозь слёзы. — Но три дня всё равно будут. Потому что мы не готовы тебя отпустить.

На третий день, на рассвете, он пришёл к Лиараль.

Она ждала его — сидела на крыльце своего дома, закутавшись в шаль из паутины, и смотрела на восток. Когда он подошёл, она даже не обернулась.

— Ты решил, — сказала она.

— Да.

— Я знала. С того самого утра. Знала и молчала.

— Почему?

— Потому что это твой путь. Кто я такая, чтобы тебе препятствовать. — Она повернулась, и в свете зарождающегося дня он увидел, что она плачет. — Мне можно плакать, Элессар. Мне можно.

Он сел рядом, взял её за руку. Рука была сухой, тёплой, с выступающими венами — рука той, кто приняла его в этот мир много лет назад.

— Я вернусь, — сказал он.

— Ты не знаешь этого.

— Знаю. Потому что мне есть куда возвращаться.

Они сидели так, пока солнце не показалось над горизонтом. А когда первые лучи коснулись вершушек деревьев, Элессар поднялся.

— Мне пора.

— Иди. — Лиараль не стала его удерживать. — И помни: даже если ты станешь другим, даже если забудешь всё, — здесь тебя будут помнить.

Древо Отражений стояло на вершине холма, в часе ходьбы от города. Это было не дерево в обычном смысле — скорее, сгусток света, принявший форму древесного ствола и ветвей. Оно росло здесь всегда, сколько себя помнили альвианы, и говорили, что в его глубине можно увидеть отражение других миров.

Элессар поднялся на холм. Ветер трепал его волосы, бросал в лицо холодные капли утренней росы. Он остановился в двух шагах от Древа и долго смотрел на него.

— Я пришёл, — сказал он наконец.

Древо молчало. Но Элессар знал — оно слышит.

Он сделал шаг и положил ладони на тёплый, пульсирующий ствол.

Свет хлынул в него сразу — горячий, обжигающий, пронизывающий каждую клетку. Элессар закричал, но крик утонул в свете. Он чувствовал, как его тело перестаёт быть телом, как границы между ним и миром стираются, как сознание расширяется до бесконечности и сжимается в точку.

А потом он увидел.

Там, за гранью, сидел человек. Обычный человек в странной одежде, в маленькой комнате, заставленной непонятными предметами. Человек смотрел на чистый лист бумаги, и в глазах его была такая же тоска, как у Элессара, когда он смотрел на мёртвый дубок.

И вдруг — удар.

Чужое сознание ворвалось в него, горячее, живое. Элессар увидел не просто лицо — он увидел всю глубину этой тоски, все слои усталости, все годы сомнений и боли. Этот человек не был всемогущим демиургом из легенд. Это был просто человек. Уставший, потерянный, смотрящий на чистый лист и не знающий, что писать дальше.

— Ты, — выдохнул он. — Ты не знаешь, что творишь. Ты не знаешь, что мы есть.

Человек поднял голову. На секунду — всего на миг — их взгляды встретились сквозь все слои реальности. В глазах человека мелькнуло удивление. Как будто он почувствовал чужое присутствие, но не понял, откуда оно.

А потом свет погас.

Элессар открыл глаза. Он стоял на коленях перед Древом, и руки его дрожали. Тело было на месте, но внутри, в самой глубине, остался отпечаток — тёплый, живой, пульсирующий в такт чужому сердцу.

Он не знал имени того человека. Не знал, где тот находится. Но теперь это было неважно. Важно было другое: этот человек — не враг. Этот человек — такой же пленник своего дара, как и он сам.

— Я приду, — прошептал Элессар, поднимаясь на ноги. — Я расскажу тебе.

Он посмотрел на небо. Там, в вышине, собирались тучи — тёмные, тяжёлые, каких не видели в Долинах уже много лет.

Но Элессар больше не боялся. Потому что теперь у него была цель.

Он повернулся и пошёл обратно в город — готовиться к тому, что должно было случиться. А в груди его, там, где билось сердце, остался отпечаток чужого света — слабый, как напоминание о том, кто ждёт его по ту сторону.

— Я иду, — прошептал он в темнеющее небо. — Держись.

В маленькой квартире на окраине Вереи Алдарион сидел за столом и смотрел на камень. Тот пульсировал ровно, спокойно, как второе сердце. Алдарион не знал, что в эту секунду кто-то на другом конце реальности произнёс его имя. Но камень знал.

Глава 5. Совет Нестабильности

В верейском логове Алдариона тишина была привычной — такая, какая бывает в маленьком провинциальном городке: с редкими машинами за окном, с лаем собаки где-то в соседнем дворе, с гулом холодильника на кухне. Алдарион уже привык к ней за время, которое жил здесь. Но сегодня она давила.

Он сидел за столом и смотрел на камень.

Прошло три дня с возвращения из Карелии. Три дня он пытался жить обычной жизнью: ходил в магазин за продуктами, смотрел телевизор, даже пару раз садился за новую книгу — детектив из серии, которую заказало издательство. Но строчки разбегались, сюжет не клеился, и через час он бросал эту затею.

Камень лежал на раскрытой папке «Эйдос», прямо поверх листов с описанием рас. И пульсировал. Медленно, ритмично, как сердце. Прожилки на его поверхности то расширялись, то сужались, и в такт этому движению пятно на груди Алдариона отзывалось тупой, ноющей болью. Он уже знал эту закономерность: если долго смотреть на камень, пятно начинает греть. Если отвести взгляд — остывает. Если совсем уйти в другую комнату — затихает до лёгкого покалывания.

Утром позвонил сыну. Трубку взяла Лена.

— Он в школе, — сказала она. — Передать что-нибудь?

— Нет, я просто... — Алдарион запнулся. — Я позвоню вечером.

— Звони. Он скучает.

Короткие гудки. Алдарион долго смотрел на телефон, потом убрал его в карман и вернулся к столу.

Он вспомнил, как в последний раз видел сына. Месяц назад, в воскресенье. Забрал его из дома Лены, повёл в парк. Мальчик молчал большую часть времени, только иногда задавал вопросы: «Пап, а почему ты не живёшь с нами?», «Пап, а ты нас больше не любишь?». Алдарион отвечал, как умел — путано, виновато, неубедительно. В конце прогулки сын взял его за руку и сказал: «Пап, ты только не пропадай совсем. Ладно?» Алдарион обещал.

Вечерело. За окном зажглись фонари, и их жёлтый свет упал на камень, заставив прожилки вспыхнуть тёмным золотом. Алдарион сидел в старом кресле, которое досталось ещё от родителей, и смотрел. В голове крутились обрывки видений из Карелии. Элессар с копьём. Зафраэль с чёрными глазами. Хрустальный город в трещинах. И голос: «Ты убил её для драмы».

Он раскрыл папку и начал перелистывать страницы, уже в который раз. Расы. Альвианы, антарианцы, мерилианцы, заратры, карнуры, астреары, даррегионы, эспириты, коррагеты. Он читал их описания, и перед глазами вставали лица из снов. Элларин, Бродир, Бриль... Они были живыми. Они страдали. А он, Алдарион, сидел в этой убогой однушке и перебирал бумажки.

— Идиот, — сказал он вслух.

Он вспомнил, как придумывал эти расы. Сидел в московской квартире, ещё до развода, пил кофе, слушал музыку и просто писал. Это было легко. Радостно. Лумианские Долины он представлял себе как место, куда хотел бы уехать навсегда. Хребет Несокрушимой Воли — как символ силы, которой ему самому всегда не хватало. А потом пришёл редактор и сказал: «Это слишком сложно, читатель не поймёт». И Алдарион послушался. Задвинул папку в стол и начал писать детективы. Они продавались. А он сам перестал чувствовать.

Камень пульсировал всё быстрее. Пятно на груди нагрелось почти до боли. Алдарион протянул руку — и замер. В прошлый раз прикосновение выбросило его в другой мир. Но тогда он был в Карелии, в лесу, а теперь здесь, в городской квартире. Сработает ли?

Он отдернул руку. Струсил.

Встал, прошёлся по комнате. Подошёл к окну. За стеклом — пустая улица, редкие прохожие, собака, привязанная у столба. Обычный вечер обычного городка. Никто не знает, что у него на столе лежит камень, который показывает миры.

Алдарион усмехнулся. Если бы кто-то узнал, его бы отправили в психушку.

Он вернулся к столу. Сел. Посмотрел на камень.

— Ладно, — сказал он. — Чего бояться?

Но руку не протянул. Сидел, смотрел. Камень пульсировал. Пятно грело.

Время тянулось. Алдарион чувствовал, как глаза слипаются, как голова тяжелеет от усталости. Он не спал нормально уже несколько ночей — всё думал, всё вспоминал. А теперь ещё этот камень. Он положил голову на руки, закрыл глаза. Всего на минуту. Просто передохнуть.

Камень пульсировал в такт его сердцу. Или его сердце — в такт камню.

Алдарион провалился в дремоту.

Он не потерял сознания. Скорее, перестал быть здесь.

Тело осталось сидеть за столом, голова — лежать на сложенных руках. Но сознание провалилось куда-то вглубь, сквозь слои реальности, сквозь шорох страниц и шелест ветра.

А потом — вспышка.

И он стоял на каменной плите, окружённый светом.

Зал был круглым и огромным. Стены его были сотканы из живых деревьев — их стволы переплетались, уходя ввысь, к куполу, сквозь который лился мягкий, золотистый свет. Пол был выложен полированным камнем, но камнем тёплым, почти живым — под ногами чувствовалась пульсация, похожая на биение огромного сердца.

Алдарион стоял у самого входа, но его никто не замечал. Для них он был невидим.

В центре зала, за круглым столом, вырезанным из цельного куска янтаря, сидели девять существ. Алдарион узнал их по лицам из снов, из обрывков, из черновиков, которые он писал много лет назад.

В центре, во главе стола, сидела женщина. Альвианка. Белые, как первый снег, волосы были убраны в сложную причёску, в которую вплетались живые светящиеся нити. Глаза — цвета весенней листвы, но потускневшие, словно выцветшие от времени. Элларин. Хранительница.

Рядом с ней сидел карнур. Квадратное лицо, гранитный подбородок, глубокие морщины-трещины на лбу. Глаза — маленькие, пронзительные, цвета тёмного кремня. Он барабанил пальцами по столу, и от каждого его удара по янтарю расходились слабые, едва заметные волны. Бродир. Архитектор Подземных Путьей.

Дальше — антарианец. Высокий, стройный, с умным, чуть ироничным взглядом. Одет в элегантный костюм, сочетающий элементы разных стилей. На пальцах — перстни-инструменты. Кай Солнцеворот. Мастер Договоров.

Рядом с ним — маленькая фигурка. Мерилианец. Взъерошенные рыжеватые волосы, в которые вплетены цветы и колокольчики — при каждом движении они тихо позванивали. Огромные глаза цвета спелого лесного ореха смотрели на остальных с тревогой, но в уголках губ пряталась улыбка. Бриль. Хранитель Ускользящих Мгновений.

Дальше — воин. В тяжёлых доспехах, с лицом, изрезанным шрамами. Короткие седые волосы, жёсткая щетина, руки, сложенные на столе, — огромные, в мозолях. На груди — ритуальные татуировки. Варрак. Вождь коррагетов.

Рядом с ним — женщина с огромными крыльями, сложенными за спиной. Лицо острое, холодное, глаза — без зрачков, цвета жидкого серебра. Иридель. Астреарка.

Напротив неё, в тени, сидело существо, сотканное из полупрозрачных свитков, из теней, из тишины. Вместо глаз — две мерцающие бездны, в которых плавали символы. Лиран. Эспирит.

Один из оставшихся был похож на дерево, вросшее в кресло. Его тело покрывала кора, в ветвях-волосах росли живые цветы. Глаза — цвета влажной земли с золотыми искрами. Грома-Корень-в-Камне. Дарегион.

И последняя. Женщина, закутанная в тёмные одежды, с лицом, скрытым капюшоном. На груди — осколок разбитой скрижали, скреплённый цепью. Она сидела неподвижно, и от неё веяло тоской. Келан. Заратрка. Ученица Торака.

Девять. По одному представителю от каждой расы. Совет Девяти.

— Он растёт, — сказала Элларин. Голос её был тихим, мелодичным, но в нём слышалась усталость. — Разлом на западе. Я чувствую его. Он... поёт. Фальшиво.

— Поёт, — хмыкнул Бродир. — У меня мосты рушатся. Вчера пролёт Суламара решил построиться в двух местах одновременно. Если так пойдёт дальше, нам придётся латать не мосты, а сами законы физики.

— А они латаются? — тихо спросил Кай.

— Нет, — отрезал Бродир. — Потому что их никто не писал. Их предполагали.

Алдарион вздрогнул. Он писал. Он писал законы этого мира. Или думал, что писал.

— Мы собираемся здесь уже четвёртый раз за луну, — вмешался Варрак. Голос его звучал низко, резонирующе. — А проблема не решается. Мои воины гибнут в сражениях с тем, что нельзя убить. Это не монстры. Это обрывки. Неоконченные битвы.

— А мои леса... — начал Грома, и голос его прозвучал как шум листвы. — Корни гниют. Прямо в земле. Я чувствую, как боль поднимается по стволам. Это не болезнь. Это тоска. Леса тоскуют по тому, кто их придумал.

— Мы знаем, Грома, — мягко сказала Элларин.

— И что мы делаем? — подала голос Келан. Голос её был жёстким, как сталь. — Собираемся и говорим? Торак... Зафраэль... он был прав в одном: мы слишком долго терпим.

— Келан, — осадил её Кай. — Не начинай.

— А что начинать? — она подняла голову, и Алдарион увидел её лицо — красивое, но застывшее, с глазами, полными боли. — Я знаю его. Я училась у него. Он не был чудовищем. Он стал им, потому что мы молчали. Потому что Совет молчал. А теперь его армия растёт, а мы сидим и слушаем, как поёт разлом.

— У неё есть резон, — неожиданно поддержал Лиран. — Я читаю тишину. Тишина говорит: Зафраэль — это не причина. Это следствие. Причина — там, — он поднял руку и показал вверх. — Там, где тот, кто нас создал.

— Мы не знаем наверняка, — тихо сказал Кай. — Может быть, у него были причины. Может быть, он не хотел...

— Не хотел? — Лиран шагнул вперёд, и воздух вокруг него задрожал. — Он создал нас. Он дал нам жизнь. А потом бросил. Как игрушки. Как черновики. И теперь, когда мир разваливается, мы должны искать оправдания для него?

— Тише, — сказала Иридель. Голос её был холоден. — Мы не знаем всей правды. Мои дозоры видят многое, но не видят его. Он закрыт. Спрятан. Может быть, он сам не знает, что натворил.

— Тогда надо сказать ему, — твёрдо произнёс Варрак. — Надо найти способ.

— Способ есть, — сказал Кай. Все повернулись к нему. — Тот, о котором мы молчим.

— Нет, — резко ответил Бродир.

— Да, — спокойно возразил Кай. — Мы знаем причину. Мы знаем, кто это сделал. И мы знаем, что без него ничего не исправить.

— Он не придёт, — прошептала Элларин. — Он забыл. Он бросил.

В зале повисла тишина. Алдарион стоял, не в силах пошевелиться, и чувствовал, как пол уходит у него из-под ног.

— Творец, — выдохнул Лиран. — Мы называем его Творцом. Хотя правильнее было бы — Черновикопищик.

— Лиран! — одёрнула Элларин.

— Что? — Существо из тумана повернулось к ней. — Ты сама знаешь. Он не создавал нас. Он нас набрасывал. А потом бросил. И теперь мир, который он не удосужился дописать, разваливается на части.

— Мы не знаем наверняка, — тихо сказал Кай. — Может быть, у него были причины.

— Причины? — Лиран шагнул вперёд, и воздух вокруг него задрожал. — Какие причины могут быть у того, кто обрёк миллионы на существование в черновике? Кто сделал одних героями, а других — статистами, забытыми, вычеркнутыми?

— Ты говоришь, как Зафраэль, — произнесла Иридель. — Будь осторожен, Лиран.

— Я говорю правду, — ответил Лиран. — Зафраэль — это следствие. Причина — там, — он поднял руку и показал куда-то вверх, туда, где за куполом было небо. — Там, где сидит тот, кто нас придумал и забыл.

В зале повисла тишина. Такая густая, что Алдарион услышал, как бьётся его сердце. Они знают. Они всё знают.

Он хотел закричать: «Я здесь! Я слышу вас!», но голоса не было. Хотел шагнуть вперёд, но ноги не двигались.

— Допустим, — медленно сказал Варрак, — мы найдём способ до него достучаться. Кто пойдёт?

Все замолчали.

— Я пойду.

Голос раздался со стороны входа. Алдарион обернулся.

У входа в зал стоял Элессар. Он был не таким, как во сне. Не в доспехах, не с копьём. В простой одежде, с усталым, но спокойным лицом. Только глаза горели — тем самым внутренним светом, который Алдарион уже видел в Карелии.

— Ты не имеешь права, — тихо сказала Элларин. — Ты нужен здесь.

— Здесь я нужен меньше, чем там, — ответил Элессар. Он шагнул в зал, и все расступились. — Я чувствую его. Иногда. По ночам. Он... не спит. Он мучается. Он не знает, что натворил.

— И ты хочешь ему рассказать? — усмехнулся Лиран.

— Я хочу спросить. — Элессар посмотрел на него. — И, может быть, услышать ответ.

— А если ответ тебе не понравится? — спросила Иридель.

— Тогда я хотя бы буду знать. — Элессар перевёл взгляд на неё. — Сейчас мы ничего не знаем. Мы гадаем. Мы боимся. А он там, один, в своём мире, и понятия не имеет, что здесь происходит.

— Он должен был подумать об этом, когда бросал нас, — буркнул Бродир.

— Может быть, он не бросал, — тихо сказал Элессар. — Может быть, он просто забыл. Люди забывают. Они живут быстро, думают быстро. Может быть, он уже давно не помнит, что создал нас.

— Тогда тем более незачем к нему идти, — отрезал Лиран.

— Нет, — покачал головой Элессар. — Если он забыл, значит, надо напомнить. Если он не знает — рассказать. Если он боится — успокоить. Мы не можем просто сидеть и ждать, пока мир рухнет.

Он подошёл к столу, положил руки на янтарь. На миг его пальцы стали прозрачными — Алдарион видел сквозь них прожилки камня, пузырьки света.

— Я пойду к нему, — повторил Элессар. — И, если он меня услышит — хорошо. Если нет... тогда вы будете знать, что надежды нет.

— Это опасно, — сказала Иридель. — Если ты провалишься между мирами, мы не сможем тебя вернуть.

— Знаю, — кивнул Элессар. — Но, если никто не пойдёт, мы всё равно погибнем. Все. Он обвёл взглядом собравшихся.

— Кто со мной?

Молчание. Восемь пар глаз смотрели на него.

Потом маленькая фигурка зашевелилась.

— Я, — сказал Брилль. Он встал, отряхнул штаны, и колокольчики в его волосах тихо звякнули. — Если надо идти, то пойду. Но лучше идти, чем сидеть и ждать.

— Ты не понимаешь... — начал Бродир.

— Понимаю, — перебил Брилль. — Я всегда понимаю. Просто говорю не всегда. А сейчас говорю: если Элессар идёт, я с ним. Потому что, если он уйдёт и не вернётся, я буду знать, что был рядом, когда он уходил.

В его голосе не было пафоса. Только простая, тёплая решимость.

— Я тоже, — вдруг сказала Келан. Она поднялась, и капюшон упал с её лица. — Зафраэль был моим учителем. Я не хочу, чтобы остальные повторили его судьбу.

— Келан... — начал Кай.

— Я знаю, что говорю, — перебила она. — Я не боюсь.

— Идти может только один, Элессар, — сказал Грома, поднимаясь с места. — Я слышу Древо Отражений. Пойдёте с ним — погибнете.

Все замолчали.

— Хорошо, — сказала Элларин. — Иди. Мы будем тебя ждать.

Элессар кивнул. Повернулся к выходу.

И вдруг остановился.

— Ты здесь, — сказал он тихо. — Я чувствую тебя.

Алдарион замер.

Элессар смотрел прямо на него. Сквозь слои реальности, сквозь время и пространство, сквозь камень и плоть — прямо в глаза.

— Ты слышал, — продолжил Элессар. — Теперь ты знаешь. Выбирай.

Он постоял ещё секунду, а потом вышел из зала.

Совет замер. Все смотрели ему вслед. Алдарион стоял, не в силах пошевелиться.

А потом мир схлопнулся.

Он очнулся за столом в своём кресле. Голова лежала на сложенных руках. Во рту пересохло, шея затекла. Алдарион медленно поднял голову и увидел камень.

Тот всё ещё пульсировал, но медленнее, спокойнее.

Из носа текла кровь. Алдарион провёл рукой по лицу — пальцы стали красными. Он встал, дошёл до ванной, умылся. Холодная вода немного привела в чувство. Голова раскалывалась. В ушах стоял звон — тот самый, фальшивый, о котором говорил Элессар.

Он вернулся в комнату, сел на кровать. Посмотрел на свои руки. Они дрожали.

— Я слышал, — прошептал он в пустоту. — Я теперь знаю.

Он попытался вспомнить всё, что видел и слышал. Имена, лица, голоса. Элларин, Бродир, Кай, Брилль, Варрак, Иридель, Лиран, Грома, Келан. Девять имён. Девять судеб. И все они говорили о нём. Кто-то с болью, кто-то с гневом, кто-то с надеждой. И Элессар, который вызвался прийти.

Черновикописец.

Это слово жгло сильнее, чем любое ругательство. Потому что в нём была правда. Он действительно писал черновики. Он не дописывал, не доделывал, не возвращался. Просто бросал и шёл дальше. К следующей книге, к следующему проекту, к следующей жизни.

А они оставались. Жили. Страдали.

Он перевёл взгляд на камень, и вдруг его накрыло понимание. Каждый раз, когда он видел Эйдос — во сне, в Карелии, теперь здесь, — это происходило в одном и том же состоянии. Граница между сном и явью, когда сознание теряет хватку, когда усталость стирает барьеры. Он не управлял камнем. Камень открывался, когда Алдарион переставал быть полностью здесь.

— Мне нужно поймать частоту, — прошептал он.

Пятно на груди отозвалось слабым теплом, будто соглашаясь.

Он встал, подошёл к столу, взял камень в руки. Тот был тёплым, почти горячим. Алдарион закрыл глаза, попытался сосредоточиться, представить Эйдос — хрустальный город, лица членов Совета, трещины в реальности. Он ждал, что его снова выбросит в тот мир, но ничего не происходило. Только пульсация камня под пальцами и тепло пятна на груди.

Он открыл глаза.

— Не сейчас, — сказал он. — Или я не в том состоянии.

Он положил камень обратно на папку. Тот продолжал пульсировать, но спокойно, размеренно, как будто дышал во сне.

Алдарион подошёл к окну. За стеклом горел одинокий фонарь, освещая пустую улицу. Ветер гонял прошлогодние листья по асфальту. Обычный вечер в маленьком городке.

Но Алдариону вдруг показалось, что в этой тишине теперь слышится не пустота, а ожидание. Он обернулся к столу и замер.

Рядом с камнем лежал листок бумаги. Чуть шероховатый, с перламутровым отливом. Алдарион протянул руку, взял листок.

На нём было написано всего одно слово:

«Жди».

Алдарион убрал листок в карман куртки, рядом с письмом сыну, которое так и не отправил.

— Я буду ждать, — сказал он в пустоту. — Обещаю.

Он постоял ещё немного, глядя на ночную улицу. Потом вернулся к столу, взял камень в руки. Тот был тёплым, спокойным, как будто знал, что теперь всё будет по-другому.

Алдарион посмотрел на часы. Половина третьего ночи.

Завтра будет новый день. И, может быть, завтра он наконец начнёт что-то делать.

А пока — ждать. Ждать, когда придёт тот, кто обещал.

Он положил камень на место, поправил папку. Взгляд упал на открытую страницу с описанием альвианов. Элларин. Он закрыл папку, убрал её в сторону.

Потом подошёл к кровати, лёг, не раздеваясь, и закрыл глаза. Перед внутренним взором всё ещё стоял зал Совета, лица, голоса. И взгляд Элессара — прямой, требовательный, но не злой.

— Я буду ждать, — повторил Алдарион в темноту.

Где-то далеко, за гранью реальности, в хрустальном городе человек по имени Элессар собирался в путь. Он уже стоял у Древа Отражений. Оно светилось — ярче, чем когда-либо.

— Я иду, — сказал Элессар и шагнул в свет.

А здесь, в маленькой квартирке, писатель, создавший целый мир и бросивший его, учился ждать. И слушать тишину.

Впервые за долгое время он уснул без снов.

Глава 6. Клятва Келан

Библиотека Заратров просыпалась задолго до рассвета. Келан знала это точно — она не спала уже третью ночь.

Она стояла у входа в Главное Хранилище, прижавшись лбом к прохладному камню, и слушала, как дышит мир за этой стеной. Там, внутри, спали тысячи книг. Тысячи жизней, тысячи историй, тысячи душ, которые ждали, когда их кто-то откроет, прочтает, вспомнит.

Келан боялась войти.

Магистр лично дал ей допуск ещё вчера. Но именно это право и пугало. Потому что если она войдёт, если начнёт работать, если станет настоящей Хранительницей — обратного пути не будет. Она перестанет быть просто девочкой, которая прячется в углах и мечтает о чём-то большем.

— Ты опять здесь, — раздался голос за спиной.

Келан вздрогнула и обернулась. В полумраке коридора стоял Магистр — самый древний из всех, кого она знала. Его кожа давно приобрела цвет старого пергамента, глаза выцвели до бледно-голубого, почти прозрачного, но смотрел он так остро, что хотелось провалиться сквозь землю.

— Я просто... — начала Келан.

— Просто стоишь третью ночь подряд, — перебил Магистр. — Просто не спишь. Просто думаешь, что никто не замечает.

Он подошёл ближе, и Келан увидела, что в руках у него свиток — старый, пожелтевший, с обтрёпанными краями.

— Твоя мать тоже не спала перед посвящением, — сказал он тихо. — Три ночи. А на четвёртую вошла. И стала лучшей Хранительницей своего поколения.

Келан почувствовала, как к горлу подкатывает ком. Мать. Она умерла, когда Келан было пять лет. Ушла в Тишину — села под Древом Памяти, закрыла глаза и перестала дышать. А потом её тело превратилось в свиток. Тонкий, полупрозрачный, исписанный историей её жизни. Этот свиток лежал где-то там, в глубине Хранилища, и Келан ни разу не решилась его прочитать.

— Я не такая, как она, — прошептала Келан.

— Конечно, не такая, — согласился Магистр. — Ты — это ты. А она была она. Но страх у вас один. Страх, что не справишься. Что не дотянешь. Что в твоём свитке нечего будет писать.

Он протянул ей свиток матери.

— Держи. Прочитаешь, когда будешь готова. А пока иди в Малый Читальный Зал. Там сегодня работает один страж. Ему нужна помощница. Иди и не мешай ему глупыми вопросами.

Келан взяла свиток дрожащими руками, прижала к груди и побежала. Она бежала по тёмным коридорам, и впервые за три ночи в груди билось не только отчаяние, но и надежда.

Малый Читальный Зал находился в восточном крыле, туда редко заходили посетители. Келан влетела в распахнутые двери, запыхавшаяся, с выбившейся прядью волос, и замерла на пороге.

Внутри было море света. Не такого, какой дают лампы или светильники — живого, тёплого, пульсирующего. Он лился отовсюду сразу: от стен, от потолка, от пола, но главное — от книг. Десятки, сотни книг светились мягким золотистым сиянием, и в этом сиянии плавали тени.

А в центре этого света сидел молодой заратр. Ей самой было семнадцать, ему на вид — около тридцати. Обычный, только старше, только серьёзнее. Но когда она посмотрела в его глаза, то забыла, как дышать.

Глаза у него были такие, каких она не видела ни у кого. Не просто живые — они горели. В прямом смысле. В глубине зрачков пульсировал мягкий золотистый свет, и когда он смотрел на неё, Келан чувствовала, что её видят всю. До самого дна. До тех тайных мыслей, которые она боялась признать даже себе.

— Ты, наверное, та, кого прислал Магистр, — сказал он. Голос у него был тихий, но в нём слышалась такая сила, что Келан невольно выпрямилась. — Я Торак. Иди сюда, не бойся. Как тебя зовут?

— Келан. — Девушка сделала шаг вперёд и чуть не споткнулась о свиток, который выполз прямо под ноги. Она взвизгнула и отскочила.

— Тише, — сказал Торак свитку. — Не пугай гостью.

Свиток обиженно зашуршал, но уполз обратно на полку.

— Они всегда такие? — выдохнула Келан.

— Только когда радуются, — улыбнулся Торак. — А они радуются, потому что давно не видели новых людей. Иди сюда, садись.

Келан подошла к столу, обходя книги, которые тянули к ней свои страницы, как руки. Одна особо настойчивая чуть не схватила её за рукав, но Торак щёлкнул пальцами, и та обиженно захлопнулась.

— Не обращай внимания, — сказал он. — Им просто интересно. Ты пахнешь страхом, а они хотят узнать почему.

— Книги? — Келан недоверчиво посмотрела на ближайший фолиант. — Чувствуют страх?

— А ты думала, мы просто храним знания? — Торак откинулся на спинку стула. — Мы храним жизни. Каждая книга — это чья-то история. Чьи-то слёзы, чья-то радость, чья-то боль. И у каждой есть свой запах, своё дыхание, своё сердцебиение. И да, они чувствуют.

Он протянул руку и погладил один из фолиантов. Тот довольно заурчал, как сытый котёнок.

— Слышишь? — спросил Торак. — Он мурлычет.

Келан прислушалась. Сквозь обычную тишину зала она действительно уловила что-то — тонкое, едва различимое, похожее на вибрацию.

— Как ты это делаешь? — прошептала она.

— Я ничего не делаю. — Торак пожал плечами. — Просто слышу. Они говорят всё время. Просто не все умеют слушать.

Он встал, обошёл стол и протянул ей руку.

— Хочешь научиться?

Келан смотрела на его ладонь. Обычная рука — длинные пальцы, въевшиеся чернильные пятна, мозоль от пера на среднем пальце. Но в центре ладони, чуть заметно, пульсировал свет.

— Я не умею, — прошептала она. — Я ничего не умею. Я просто пришла, потому что Магистр сказал...

— Магистр сказал, что ты готова, — перебил Торак. — А он никогда не ошибается. Иди сюда.

Она взяла его за руку, и в этот момент мир изменился.

Первые недели были похожи на сон наяву.

Келан приходила в Малый Читальный Зал каждое утро, задолго до рассвета, и уходила далеко за полночь. Торак учил её слушать. Не ушами, а кожей, кончиками пальцев, всей глубиной своего существа.

— Положи руку на корешок, — говорил он. — Не дави, просто коснись. И жди. Не думай ни о чём. Просто жди.

Келан закрывала глаза и ждала. Сначала ничего не происходило. На пятый день она вдруг почувствовала тепло. Слабое, едва уловимое, идущее изнутри книги.

— Есть, — выдохнула она.

— Молодец, — улыбнулся Торак. — А теперь попробуй понять, что она чувствует.

Келан сосредоточилась. Тепло под пальцами менялось — то становилось ярче, то затухало. И вдруг она поняла: книга боится. Боится, что её закроют и больше никогда не откроют. Боится, что история, которую она хранит, умрёт вместе с ней.

— Не бойся, — прошептала Келан, поглаживая переплёт. — Я здесь. Я не уйду.

Книга вздрогнула. А потом из неё полился свет — мягкий, тёплый, благодарный.

Торак смотрел на это молча. А когда Келан открыла глаза, он сказал:

— Ты особенная. Я сразу понял, когда увидел тебя у входа.

— Почему? — спросила Келан.

— Потому что ты боялась. — Он сел рядом. — Большинство приходят сюда с уверенностью, что они всё смогут. А ты пришла со страхом. И этот страх — не слабость. Это понимание ответственности. Это то, что делает Хранителя настоящим.

Келан смотрела на него и чувствовала, как внутри тает лёд, который она носила в себе годами. С тех пор, как умерла мать. С тех пор, как поняла, что осталась одна.

— А ты? — спросила она тихо. — Ты всегда это умел?

Торак помолчал. Потом посмотрел куда-то в сторону, где за окном догорал закат.

— Нет, — сказал он. — Когда я был в том же возрасте, что ты сейчас, я не слышал ничего. Книги для меня были просто предметами. А потом... потом сам Магистр меня учил. Он показал мне, что значит дышать с ними в такт.

В его голосе было столько тепла, что Келан почувствовала это кожей. Она не знала, что сказать. А потом, сама не поняла зачем, взяла его за руку.

Торак вздрогнул, посмотрел на неё. И впервые за всё время Келан увидела в его глазах не свет, а что-то другое. Что-то очень человеческое. Что-то очень живое.

— Я хочу, чтобы ты научил меня всему, что знаешь сам, — сказала она. В её глазах горел огонь энтузиазма и неподдельного интереса молоденькой девушки.

Дни складывались в недели, недели — в месяцы. Келан училась не только слушать книги, но и лечить их. Торак показывал, как запечатывать разорванные страницы, как успокаивать те, что кричали от боли, как возвращать к жизни те, что уже начали угасать.

— Самое главное, — говорил он, — не пытаться исправить всё сразу. Иногда достаточно просто побыть рядом. Просто погладить переплёт. Просто сказать: «Я с тобой».

Келан запоминала. Впитывала каждое слово, каждый жест, каждый взгляд. Она видела, как книги тянутся к Тораку, как доверяют ему, как раскрывают перед ним самые сокровенные тайны. И мечтала, что когда-нибудь и она сможет так же.

Однажды, когда они работали допоздна, Торак вдруг спросил:

— Ты читала свиток матери?

Келан замерла. Свиток лежал у неё под подушкой, нетронутый.

— Нет, — призналась она. — Боюсь.

— Чего?

— Что разочарую её. Что она ждала чего-то другого. Что я не смогу оправдать её надежд.

Торак покачал головой.

— Келан, пойми одну вещь. Твоя мать писала свой свиток не для того, чтобы судить тебя. Она писала его, чтобы ты знала: она была. Она любила. Она ошибалась. Она надеялась. Твоя мать не собиралась тебя оценивать. Она хотела, чтобы ты её помнила.

Он взял её за плечи и развернул к себе.

— Ты не обязана быть ею. Ты обязана быть собой. И если ты прочитаешь свиток, ты поймёшь, что она хотела именно этого.

В ту ночь Келан впервые развернула свиток матери.

Она читала долго, при свете единственной лампы, и слёзы текли по щекам, не переставая. Мать писала о своей молодости, о первой любви, о страхах, о надеждах. О том, как боялась стать Хранительницей. О том, как полюбила отца. О том, как родила дочь и поняла, что теперь её сердце навсегда разделено надвое.

«Я не знаю, какой ты станешь, дочка, — было написано в конце. — Но я знаю одно: ты сильнее, чем думаешь. Ты добрее, чем кажешься. И ты нужна этому миру. Не потому, что ты моя дочь. А потому, что ты — это ты».

Келан свернула свиток, прижала к груди и проплакала до утра.

Утром она пришла к Торак с опухшими глазами, но впервые за долгое время — с лёгкостью в душе.

— Я прочитала, — сказала она.

— И как?

— Она просила не бояться.

Торак улыбнулся.

— Тогда не бойся.

Через месяц Торак сказал:

— Ты готова.

— К чему? — удивилась Келан.

— Принять Скрижаль.

Келан замерла. Скрижаль — это было не просто посвящение. Это была клятва. Клятва, которую давали только тем, кто готов отдать жизнь Библиотеке. Тем, кто готов слушать и хранить до самого конца.

— Я... я не знаю, — прошептала она. — Я всего несколько месяцев...

— Месяцев, — перебил Торак. — А некоторые учатся годы и не слышат того, что слышишь ты. Дело не во времени, Келан. Дело в сердце.

Он взял её за руку и повёл в глубину Библиотеки.

Они спускались долго. Винтовая лестница уходила вниз, в темноту, и ступени под ногами были такими старыми, что стёрлись почти в ноль. Воздух становился плотнее, тяжелее, и в нём пахло не пылью — временем.

В самом низу была дверь. Не деревянная, не каменная, а сотканная из света и тишины.

— Здесь хранятся Скрижали, — сказал Торак. — Каждая из них — обещание. Обещание хранить, слушать, помнить. Никто не заставляет тебя входить. Если войдёшь и коснёшься — обратного пути не будет.

— А если я не войду?

— Тогда ты останешься просто гостьей. Будешь приходить, помогать, уходить. Это тоже достойно.

Келан смотрела на дверь и чувствовала, как колотится сердце. Она вспомнила мать. Её свиток, который теперь лежал в специальном футляре, рядом с сердцем. Она вспомнила свой страх — страх, что в её собственном свитке нечего будет писать. И вдруг поняла: этот страх больше не властен над ней. Потому что она уже пишет свою историю. Каждый день. Каждым прикосновением к книге. Каждым словом, сказанным Торак.

— Я войду, — сказала она.

Дверь открылась сама.

Внутри было пусто. Совершенно пусто — только круглый зал, высеченный в живой скале, и в центре, на каменном постаменте, лежала Скрижаль. Она была небольшой — размером с две ладони — и излучала мягкий, тёплый свет.

— Подойди, — тихо сказал Торак. Он остался у входа. — Дальше ты сама.

Келан шагнула вперёд. Пол под ногами был тёплым. С каждым шагом свет Скрижали становился ярче, и когда она остановилась перед постаментом, ей показалось, что она стоит внутри солнца.

Она протянула руку и коснулась камня.

И мир исчез.

Она не видела, не слышала, не чувствовала тела. Она была везде и нигде одновременно. Сквозь неё текли голоса — тысячи, миллионы голосов всех, кто когда-либо касался этой Скрижали. Они говорили на разных языках, пели разные песни. Но в одном были едины:

«Я обещаю».

Келан не знала, сколько это длилось. Мгновение? Вечность? Но вдруг всё стихло. И в наступившей тишине она услышала один-единственный голос. Тот, который узнала бы из тысячи.

— Ты готова, дочка.

Голос матери.

Келан открыла глаза. Она стояла на коленях перед Скрижалю, и по щекам текли слёзы. На ладони, там, где она коснулась камня, горел знак — тонкий, серебристый, похожий на переплетение книжных корешков.

— Я обещаю, — прошептала она. — Я буду хранить. Я буду слушать. Я буду помнить. Скрижаль мигнула в последний раз и погасла.

Келан вышла из зала другим человеком.

Торак ждал её у входа. Он смотрел на неё, и в глазах его было столько тепла, что Келан снова захотелось плакать.

— Добро пожаловать, — сказал он. — Хранительница Келан.

Она улыбнулась сквозь слёзы.

— Спасибо.

— Не за что. — Он протянул руку. — Пойдём. Работы много.

Работы действительно было много.

Посвящение не означало, что можно отдыхать — наоборот, обязанностей прибавилось. Келан теперь имела доступ в те части Библиотеки, куда раньше не пускали. Она училась работать с самыми древними текстами, с теми, кто помнил Время До. Она училась лечить не только книги, но и свитки, которые никто не открывал столетиями.

И каждый вечер, когда работа заканчивалась, она приходила к Тораку. Они сидели на подоконнике в Малом Читальном Зале, пили настой из медовой травы и говорили. Обо всём.

— Ты когда-нибудь думала, почему книги чувствуют боль? — спросил Торак однажды.

— Потому что в них записаны жизни? — предположила Келан.

— Не только. — Он покачал головой. — Потому что каждая книга — это чей-то разговор с вечностью. Кто-то хотел, чтобы его помнили. Кто-то хотел предупредить. Кто-то просто хотел оставить след. И когда книгу закрывают навсегда, этот разговор обрывается. Это как смерть. Только медленная.

Келан посмотрела на свои руки. На правой ладони всё ещё горела руна клятвы — серебристая, пульсирующая в такт сердцу.

— А ты не боишься, что однажды тебя закроют? — спросила она тихо. — Что перестанут слушать?

Торак усмехнулся.

— Я уже закрыт, — сказал он. — Для большинства. Для Совета я просто страж. Для других — чужак, который разговаривает с книгами. Только ты... — Он посмотрел на неё. — Только ты слушаешь по-настоящему.

Келан почувствовала, как щёки заливает краска.

— Я просто... — начала она.

— Не надо, — перебил Торак. — Не оправдывайся. Это дар. Цени его.

Они замолчали. За окном догорал закат, и в его свете лицо Торака казалось высеченным из камня. Красивым. Чужим. Бесконечно далёким.

Келан вдруг поняла, что никогда не узнает его по-настоящему. Что где-то в глубине его души есть дверь, запертая навсегда. И ключ от этой двери ей никогда не достать.

— Торак, — сказала она вдруг. — Можно я задам один вопрос?

— Задавай.

— Ты когда-нибудь любил?

Он долго молчал. Так долго, что Келан пожалела о своём вопросе.

— Нет, — ответил он наконец. — Настоящая любовь ко мне ещё не пришла.

— Поэтому ты здесь, — сказала она. — Поэтому ты учишь таких, как я. Если ты перестанешь учить, перестанешь слушать, ты не познаешь настоящей любви.

Келан взяла его за руку. Просто взяла — и сидела так, молча, глядя, как за окном гаснет последний свет.

— Я никогда не дам тебе уйти одному, — сказала она вдруг. — Куда бы ты ни пошёл, я буду рядом. Обещаю.

Торак посмотрел на неё долгим взглядом.

— Ты уже дала обещание. Скрижали.

— Это другое, — твёрдо сказала Келан. — Это моё. Личное.

Он ничего не ответил. Но руку не убрал.

Прошло два года.

Келан стала не просто Хранительницей — она стала правой рукой Торака. Они работали вместе, учились вместе, молчали вместе. И в этом молчании было больше смысла, чем в любых словах.

Она видела, как он меняется. Не сразу, не резко — но с каждым месяцем в нём появлялось что-то новое. Какая-то глубокая, скрытая трещина, которая медленно, но неумолимо росла.

Она знала причину. Лирель. Несколько месяцев назад Торак с ней познакомился и начал меняться на глазах. Он был счастлив, пока не произошло непредвиденное. Лирель исчезла, провалилась в бездну пустоты. Торак потерял себя. Всё произошло быстро. На глазах у Келан.

Имя художницы слов стало для Келан почти священным. Она никогда не видела её, но чувствовала её присутствие везде.

После того, как Торак уничтожил треть Библиотеки, она спросила:

— Зачем? Её не вернуть. Ты хочешь мстить?

Торак вздрогнул. Посмотрел на неё так, будто она его ударила.

— Зачем? — переспросил он тихо. — Это был не я. Он уничтожил те книги, тот, кто убил её! Того, кто написал её смерть, я уничтожу!

— Я не знаю, — честно ответила Келан. — Я просто думаю... может быть, если ты простишь, тебе станет легче?

— Легче? — Торак горько усмехнулся. — Келан, девочка моя, легче не станет никогда. Можно научиться жить с болью. Можно даже найти в ней смысл. Но простить того, кто сде-

лал это осознанно, играючи, не задумываясь о последствиях? Нет. Этого я не смогу сделать никогда.

Он отвернулся к окну.

Келан молчала. Она чувствовала, что в этот момент между ними выросла стена. Прозрачная, но непреодолимая.

Келан помнила тот день.

Она была в Хранилище, работала с древним фолиантом, когда почувствовала: что-то не так. Воздух изменился. Стал тяжёлым, густым, как перед грозой. Книги, всегда спокойные, заметались на полках, зашуршали страницами.

Она выбежала в коридор и столкнулась с Торак. Он был бледен, как пергамент.

— Торак, что случилось?

— Лирель, — выдохнул он. — Она на рынке. Я чувствую. Что-то случится.

И побежал.

Келан побежала за ним.

Они ворвались на площадь, когда это произошло.

Чёрная пустота висела в воздухе прямо над головами людей. Она росла, пульсировала, и в центре её, на долю секунды, Келан увидела женскую фигуру, которая падала, медленно, глядя вниз, на Торака.

— Лирель! — закричал он.

Пустота схлопнулась.

Фигура исчезла.

Торак рухнул на колени. Из его горла вырвался звук — такой, каких Келан никогда не слышала и надеялась никогда не услышать. Это был крик человека, у которого вырвали сердце.

Она бросилась к нему, обняла, прижала к себе.

— Торак, Торак, пожалуйста...

Он не слышал. Он смотрел в то место, где только что была Лирель, и в глазах его гас свет.

— Она упала, — прошептал он. — Прямо как в той проклятой книге. Он написал это. Он убил её.

— Кто? — Келан трясла его, пытаясь вернуть в реальность. — Торак, кто?!

Но он уже не слышал. Он встал и пошёл. Не к ней, не к дому, не к Библиотеке — в сторону, где из-под земли уже начинала сочиться тьма.

— Торак! — закричала Келан. — Стой!

Он не остановился.

Тьма поднималась вокруг него, обвивала ноги, тянулась к рукам. И он не сопротивлялся — он принимал её. Впускал в себя.

— Нет, — прошептала Келан. — Нет, пожалуйста, только не так...

Она побежала за ним, но тьма отбросила её, припечатала к стене дома. Келан ударилась спиной, сползла на землю и смотрела, как тот, кого она любила больше жизни, уходит во тьму.

— Вернись, — шептала она. — Вернись, дурачок. Пожалуйста...

Но он не вернулся.

Она не помнила, как добралась до дома. Ноги принесли её сами.

На следующий день Келан пришла в Библиотеку.

Хранилище Спящих знаний было разрушено. Стеллажи повалены, книги разорваны, страницы усеивали пол, как снег. В воздухе пахло гарью и болью.

Келан шла через это пепелище, и сердце её превращалось в камень. Она подбирала обрывки страниц, гладила их, шептала слова утешения, но книги не отвечали. Они были мертвы.

В самом центре, там, где раньше стояла «Песнь корней», которую Торак любил больше других, лежала только горстка пепла.

Келан опустилась на колени и зарыдала.

Впервые с момента посвящения она плакала навзрыд, не сдерживаясь, не стесняясь. Потому что тот, кто был её светом, её учителем, её единственным другом, ушёл. И ушёл не в смерть, а во тьму, откуда не возвращаются.

— За что? — спросила она у пустоты. — За что, Творец? Чем мы тебе помешали?

Ответа не было.

Только ветер шевелил обрывки страниц, и в этом шелесте ей почудился голос Торака: «Я вернусь. И приведу всех, кого он вычеркнул».

Келан закрыла глаза.

Она не знала тогда, что эти слова станут пророчеством. Что он действительно вернётся — но уже не как Торак. Что приведёт армию забытых. Что начнёт войну, в которой не будет победителей.

Но в тот момент, сидя в руинах того, что было её домом, она знала только одно: она осталась одна.

Келан стала другой.

Она не искала утешения. Не искала новой любви или новой привязанности. Она просто делала свою работу — хранила то, что осталось от Библиотеки, лечила уцелевшие книги, учила новых стражей. Но в глазах её навсегда поселилась та же тоска, что когда-то была у Торака.

Она не простила Творца. Не могла.

Каждую ночь, засыпая, она видела одно и то же: Лирель, падающую в пустоту, и Торака, уходящего во тьму. И каждое утро просыпалась с мыслью: «Почему?»

Ответа не было.

Она стала жёстче. Требовательнее. Беспощаднее к себе и к другим. Ученики боялись её строгого взгляда, коллеги уважали за безупречную работу, но никто не подходил близко. На правой ладони всё ещё горела руна клятвы — серебристая, нерушимая. На левом предплечье, под рукавом, остался шрам — след от первого столкновения с тьмой, когда она пыталась остановить Торака. Шрам иногда ныл, реагируя на его присутствие, и тогда Келан знала: он где-то рядом. Он помнит. Он не забыл.

Она тоже не забыла.

Иногда, в редкие минуты отдыха, она доставала свиток матери и перечитывала последние строки. «Ты сильнее, чем думаешь. Ты добрее, чем кажешься». Она уже не плакала, читая их. Просто смотрела на буквы, которые когда-то вывела рука матери, и чувствовала странное спокойствие. Будто мать всё ещё была рядом. Будто она одобряла то, какой стала Келан.

Но одобряла ли? Келан не знала. И, наверное, уже никогда не узнает.

Пока однажды её не вызвали в Совет.

Она стояла перед восемью мудрейшими, и её тёмно-стальные глаза с серебристыми искрами смотрели прямо перед собой. Волосы, иссиня-чёрные, были убраны в безупречно тугой узел на затылке, закреплённый серебристыми шпильками в форме рун. Ни одна прядь не выбивалась. Одежда — видоизменённые одежды стража: практичный камзол и штаны тёмно-синего цвета, с серебристой вышивкой в виде священных текстов по швам. На груди — разбитая Скрижаль, скреплённая цепью. Её личный символ.

Она слушала, как они обсуждают судьбу мира. Разлом на западе. Армия Зафраэля. Конец всего.

— Кто пойдёт к Творцу? — спросила Элларин.

Молчание.

И тогда Келан шагнула вперёд.

— Я пойду.

Все обернулись к ней.

— Ты? — удивился Кай. — Почему ты?

Келан выдержала его взгляд. В её глазах не было эмоций — только сталь и глубокая, замороженная усталость.

— Потому что я знаю его, — ответила она. — Того, кто стал Зафраэлем. Я знала его, когда он был Торакком. Я любила его — не так, как Лирель, но по-своему. Я видела, как он уходит во тьму. И если есть хоть один шанс вернуть его — или хотя бы объяснить ему, что Творец не хотел зла, — я должна его использовать.

— А если Творец хотел? — тихо спросил Лиран.

Келан посмотрела ему в глаза. На миг в глубине её зрачков мелькнули искры боли — единственная утечка эмоций, которую она позволяла себе.

— Тогда я хотя бы узнаю правду. И смогу рассказать её Зафраэлю. Чтобы он знал, за что сражается.

Элларин покачала головой.

— Мы решим этот вопрос по-другому.

Келан вышла из зала. Сердце её колотилось, но впервые за долгие годы в нём было не только горе — в нём была цель.

Она спустилась в свои покои, достала из тайника свиток матери и долго смотрела на него. Потом убрала обратно. Взяла парные клинки, проверила крепление. Поправила на груди символ разбитой Скрижали.

— Я вернусь, мама, — прошептала она в пустоту. — Обещаю.

Она вышла из Библиотеки и направилась к Древу Отражений.

Она найдёт Творца. Она спросит его. И, может быть, наконец-то получит ответ.

Ответ на вопрос, который мучил её все эти годы:

«За что, Творец? Чем мы тебе помешали?»

— Келан! — крикнул Элессар, который уже стоял у Древа. — Совет утвердил меня.

— Но мне есть что сказать Творцу, не мешай мне! — с негодованием выкрикнула Келан.

— Не спорь. Всё уже решено. Ты нужна здесь, я нужен там. У каждого из нас свой путь.

Она хотела возразить, но слова застряли в горле. Элессар смотрел на неё с той спокойной твёрдостью, которую невозможно переспорить. Он уже сделал выбор. Как когда-то Торак.

Келан опустила руки.

— Тогда иди, — сказала она глухо. — Но если он тебя не услышит... если не захочет слушать...

— Тогда придёшь ты, — закончил за неё Элессар. — Я знаю.

Он коснулся её плеча — коротко, по-братски — и шагнул в свет Древа.

Келан осталась одна.

В эту секунду, в маленькой квартирке на окраине Вереи, человек сидел за столом и смотрел на камень. Он не знал, кто к нему придёт. Он просто сидел и ждал.

Ждал, когда придёт тот, кто обещал.

А за окном светало.

Глава 7. Незванный гость

Три дня после возвращения из Карелии Алдарион почти не выходил из дома.

Он не мог объяснить себе, почему. Просто не хотелось. Выходить на улицу, видеть людей, разговаривать — всё это казалось бессмысленным. Он сидел в кресле, смотрел на камень и ждал. Чего он ждал? Сам не знал. Может быть, следующего видения. Может быть, ответа. Может быть, того, что всё это окажется сном и закончится.

Камень лежал на столе, на раскрытой папке «Эйдос», и пульсировал. Медленно, ритмично, как сердце. Пятно на груди отзывалось в такт — ноющей, тянущей болью, к которой Алдарион начал привыкать. Он уже не проверял его каждый час, не прикладывал ладонь, не пытался угадать, что оно значит. Просто жил с ним, как живут с хронической болезнью.

На четвёртый день он заставил себя выйти в магазин. Купил хлеба, молока, пачку дешёвого кофе. Продавщица в местном универсаме, тётя Зина, спросила, как отдохнулось. Алдарион ответил что-то невнятное и быстро ушёл. На улице было уныло, моросил дождь — обычный осенний день в маленьком городке. Верёя встретила его мокрым асфальтом и редкими прохожими.

Дома он пытался читать. Раскрыл детектив, который сам же и написал года два назад — «Петровка, 38: Дело о пропавшем завещании». Пробежал глазами первую страницу, вторую и с отвращением захлопнул. Как он мог это писать? Как мог тратить время на этих картонных персонажей, на эти высосанные из пальца интриги, когда там, за гранью, настоящие люди — и не люди — страдают и гибнут?

Он вспомнил, как Игорь Петрович, главный редактор, говорил ему: «Читателю нужен экшн, Алдарион. Погони, перестрелки, трупы. Философия — это для узкого круга, это не продётся». И он послушался. Продал душу за тиражи.

— Идиот, — сказал он вслух.

Камень на столе мигнул ярче обычного. Алдарион посмотрел на него, и в голову пришла странная мысль: а что, если камень не просто артефакт? Что, если он живой? Что, если он чувствует его настроение, реагирует на эмоции? Он протянул руку, коснулся гладкой поверхности. Тёплая. Всегда тёплая, даже когда в квартире прохладно.

— Ты меня слышишь? — спросил он.

Камень не ответил. Но пульсация под пальцами стала чуть чаще.

Вечером позвонил сын. Сам — что случалось редко.

— Пап, привет, — голос у мальчика был какой-то напряжённый. — Ты как?

— Нормально, Ярик. А ты как?

— Да хорошо. — Пауза. — Мамка говорит, ты какой-то странный стал. Не звонишь почти.

Алдарион почувствовал укол совести. Он действительно не звонил три дня. Забыл. Выпал из реальности.

— Прости, замотался. Работа.

— Ты же в отпуске был? — недоверчиво спросил сын.

— Был. Вернулся. Теперь работаю.

— А над чем?

Алдарион замялся. Не рассказывать же правду — про камень, про Эйдос, про Зафраэля.

— Над новой книгой, — сказал он. — Фэнтези.

— Круто. — В голосе сына послышался интерес. — А про что?

— Про мир, который кто-то придумал, а потом бросил. И теперь этот мир разваливается.

— Звучит грустно.

— Не грустно, а... серьёзно. — Алдарион помолчал. — Слушай, а ты бы хотел... ну, если бы я написал книгу, ты бы прочитал?

— А ты мне дашь?

— Да. Обещаю.

— Тогда прочитаю. — Сын хмыкнул. — Только ты это... не затягивай. А то я вырасту и мне уже неинтересно будет.

— Постараюсь.

Они попрощались. Алдарион долго смотрел на телефон, потом на камень.

— Надо торопиться, — сказал он. — А то он вырастет.

На пятый день Алдарион проснулся с ощущением, что что-то должно случиться.

Он лежал в кровати, глядя в потолок, и пытался понять, откуда это чувство. Воздух в комнате был обычным, за окном — обычный серый день. Но внутри, где-то под ложечкой, чувствовался холодок предчувствия.

Он встал, умылся, сварил кофе. Камень на столе пульсировал ровно и спокойно. Алдарион сел в кресло, взял ручку и лист бумаги. Надо было записать всё, что случилось за последние дни, пока память свежа. Потом можно будет показать Амару — если тот вообще согласится слушать.

Он начал писать.

«Пять дней назад я вернулся из Карелии. Там я нашёл камень — тот самый, что лежит сейчас передо мной. Он тёплый. Всегда тёплый. И он показывал мне другой мир. Мир, который я придумал много лет назад и бросил.

Я видел Совет Девяти. Видел Элессара — он был в моём сне ещё до того, как я нашёл камень. Видел Зафраэля — того, кого я сделал злодеем, не подумав.

Они существуют. Они настоящие. И они гибнут, потому что я бросил их.

Я не знаю, что делать. Не знаю, как помочь. Но знаю одно: я больше не могу сидеть сложа руки. Если есть хоть один шанс всё исправить — я должен его использовать.

Лена думает, что я схожу с ума. Сын спрашивает, почему я не звоню. А я не могу им объяснить, что там, за гранью, люди — нет, не люди, придуманные мной существа — ждут меня. Что я должен им помочь.

Должен. Это слово я ненавижу всю жизнь. А теперь оно стало главным».

Он отложил ручку, перечитал написанное. Глупость? Может быть. Но это была его правда.

Он посмотрел на камень. Тот пульсировал чуть быстрее, чем утром. И вдруг Алдарион понял: холодок под ложечкой — это не предчувствие. Это сигнал. Что-то приближалось.

Он встал, огляделся. В комнате всё было на месте. Книги на полках, ноутбук на столе, старая люстра на потолке. Но тени в углах стали глубже. Темнее. Они росли прямо на глазах, выползали из-под мебели, тянулись к центру комнаты чёрными, маслянистыми щупальцами.

— Нет, — прошептал Алдарион. — Только не сейчас.

Камень на столе вспыхнул, заливая комнату золотистым светом. Тени дёрнулись, отпрянули, но не исчезли. Они клубились по углам, набираясь силы.

А потом из самой густой тени, той, что за шкафом, выступила фигура.

Зафраэль.

Он был не таким, как во сне. Не расплывчатым, не призрачным. Он был плотным, настоящим, почти физическим. Высокий, худой, в чёрных одеждах, с лицом, которое Алдарион помнил по своим черновикам. Торак. Только другой. С чёрными глазами без зрачков, с пустотой там, где раньше был свет.

Но сейчас в этой пустоте горела ярость.

— Ты, — выдохнул Алдарион, пятясь к окну.

— Я, — кивнул Зафраэль. Голос его звучал низко, с металлическим оттенком, и от него веяло таким холодом, что на стёклах начал выступать иней. — Я же обещал, что приду.

— Уходи. — Алдарион нащупал рукой подоконник. — Это мой мир. Убирайся.

— Твой мир? — Зафраэль шагнул вперёд, и вместе с ним шагнула тьма. Паркет под его ногами начал чернеть, покрываться трещинами. — Ты называешь это миром? Эту клетку? Эти четыре стены, где ты прячешься от ответственности?

— Я не прячусь.

— Правда? — Зафраэль усмехнулся. — А что ты делаешь последние пять дней? Сидишь, смотришь на камень, жалеешь себя. Вместо того чтобы что-то делать.

— Я не знаю, что делать! — выкрикнул Алдарион. — Я не понимаю, как это работает! Я просто писатель, понятно? Я не маг, не воин, не герой. Я просто человек, который сидит в этой убогой однушке и пытается не сойти с ума!

— Значит, признаёшь, что ты беспомощен? — Зафраэль подошёл ещё ближе. Теперь их разделяло не больше двух метров. Воздух между ними звенел от напряжения. — Признаёшь, что создал нас и бросил, потому что испугался?

— Признаю. — Алдарион сглотнул. — Да, я испугался. Да, я бросил. Но я не знал, что вы настоящие. Клянусь, не знал.

— А теперь знаешь. — Зафраэль остановился. — И что? Что ты сделал с этим знанием? Сидел и ждал.

Рука Зафраэля взметнулась вверх, и тьма из углов рванула вперёд, обтекая его, собираясь в чёрный, пульсирующий шар. Шар рос, наливался мраком, и внутри него Алдарион увидел лица. Те самые лица, что приходили к нему в снах. Забытые. Вычеркнутые. Недописанные.

— Смотри, — сказал Зафраэль. — Это твоё наследие.

Шар рванул к Алдариону. Тот едва успел пригнуться — тьма пролетела над головой и врезалась в стену. Обои почернели, вспухли пузырями и осыпались пеплом. За ними обнажилась голая кирпичная кладка, и кирпичи тоже чернели и крошились.

— Ты с ума сошёл! — закричал Алдарион. — Ты разрушишь дом!

— Это просто дом, — равнодушно ответил Зафраэль. — Тысячи таких.

Он взмахнул рукой снова. Тьма метнулась второй раз, целясь уже не в стену, а в самого Алдариона. Тот прыгнул в сторону, кубарем покатился по полу, вскочил на ноги. В руке у него оказалась старая лыжная палка, оставшаяся ещё от предыдущего жильца.

— Не приближайся! — заорал он, размахивая палкой.

Зафраэль засмеялся. Смех был страшный — безрадостный, колючий, как битое стекло.

— Палкой? Ты собрался драться со мной палкой? Творец, ты вообще в себе?

— А что мне делать? — крикнул Алдарион. — У меня нет твоего опыта, нет твоей силы, нет твоей ненависти! Я просто хочу жить!

— Жить? — Глаза Зафраэля вспыхнули. — И Лирель хотела жить. Она мечтала о доме у ручья, о детях, которые будут бегать по траве. Ты отнял это у неё. Одной строкой.

Он шагнул вперёд, и Алдарион взмахнул палкой. Удар пришёлся прямо в грудь Зафраэля — и прошёл насквозь. Палка вошла в чёрную плоть, как в воду, и когда Алдарион отдёргнул её, кончик был обуглен, покрыт чёрной слизью.

— Обычное оружие не работает, — усмехнулся Зафраэль. — Я же не из плоти. Я из боли. А боль нельзя забить палкой.

Тьма рванула в третий раз. Алдариона отбросило к стене, припечатало так, что хрустнули рёбра. Он сполз по стене, кашляя, хватая ртом воздух. Перед глазамиплыли круги.

Зафраэль навис над ним, чёрный, огромный, пугающий.

— Легко, да? — спросил он. — Уничтожать тех, кто слабее? Ты это умеешь. Ты всю жизнь этим занимался. Создавал слабых и убивал их для драмы.

— Я... не... — прохрипел Алдарион.

— Молчи. — Зафраэль прижал его к стене невидимой силой. — Теперь ты слабый. Теперь ты — персонаж. И я решаю твою судьбу.

Он поднял руку. Тьма собралась в ней, сгустилась в чёрное копьё — точно такое же, каким Алдарион видел во сне. Остриё упёрлось ему в горло.

— Прощай, творец, — сказал Зафраэль. — Твоя история закончена.

И в этот момент Алдарион вспомнил.

Вспомнил не сон, не видение, а тот самый первый день в Карелии, когда он нашёл камень. Как держал его в руках, стоя в ледяной воде. Как чувствовал тепло. Как потом, ночью, камень светился.

Камень!

Он дёрнулся в сторону, уходя от копья. Остриё полоснуло по плечу, распоров рубашку и кожу. Боль обожгла, но Алдарион не обратил внимания. Он рванул к столу, споткнулся о стул, упал, поднялся и схватил камень.

Тот вспыхнул ослепительным светом.

Зафраэль замер. Тьма вокруг него заколебалась, отступила.

— Что ты делаешь? — прошипел он.

— Не знаю, — честно ответил Алдарион. — Но что-то делаю.

Он сжал камень в руке и закричал. Не от боли, а от отчаяния, от ярости, от всего, что накопилось за эти дни.

— Ты не тронешь меня! — заорал он. — Ты не тронешь мой мир! Я не позволю!

Камень в его руке горел всё ярче. Свет его проникал в каждую щель, в каждый угол, разгоняя тьму. Там, где свет касался чёрных щупалец, те шипели и сворачивались, как под кислотой.

Зафраэль отшатнулся. На его лице впервые появилось что-то похожее на страх.

— Откуда у тебя это? — прошипел он. — Откуда у тебя такая сила?

— Не знаю! — крикнул Алдарион.

Он шагнул вперёд, поднимая камень над головой. Свет залил всю комнату, выжигая тьму дотла. Зафраэль корчился, закрывая лицо руками, и чёрные одежды его дымились.

— Тень! — закричал Алдарион. — Тень, что пришла из моей вины! Тень, что носит имя того, кого я предал! Слушай меня!

Зафраэль замер. Тьма вокруг него заколебалась, но не исчезла.

— Я не буду просить прощения, — продолжал Алдарион. — Потому что прощение надо заслужить. Я не буду обещать, что всё исправлю, — потому что это ложь, я не знаю как. Но я скажу одно.

Он сжал камень так, что побелели костяшки.

— Ты не убьёшь меня здесь. И я не убегу. Потому что наша история не закончена. Она только начинается. И я — слышишь? — я не брошу вас больше. Ни тебя, ни Эйдос, никого.

Зафраэль смотрел на него, и в чёрных глазах его что-то менялось. Там, в глубине, мелькнула искра — слабая, почти незаметная, но живая.

— Ты... — начал он.

— Я приду, — перебил Алдарион. — Я приду в ваш мир. И тогда мы поговорим. По настоящему. Не здесь, не через силу, не через боль. А там, где ты сможешь быть собой.

— Я уже не могу быть собой, — тихо сказал Зафраэль. — Ты убил Торака, когда убил Лирель.

— Значит, будем воскрешать. — Алдарион шагнул к нему. — Вместе.

Зафраэль смотрел на него долго, очень долго. Тьма вокруг него то сгущалась, то рассеивалась. А потом он усмехнулся — горько, почти одобрительно.

— Ты не такой уж и слабый, Творец, — сказал он. — Ты не стал оправдываться. Ты просто сказал: «Я не знаю, как это исправить, но попробую».

— Этого достаточно? — спросил Алдарион.

— Нет, — покачал головой Зафраэль. — Этого недостаточно. Но это начало.

Он сделал шаг назад. Тьма вокруг него начала сворачиваться, втягиваться в него самого. Комната постепенно обретала обычный вид — стены перестали чернеть, обои вернулись на место, иней на стёклах исчез.

— Я уйду, — сказал он. — Но запомни: я буду ждать. Мы все будем ждать. Если ты не придёшь — мы придём сами. И тогда пощады не будет.

— Я приду, — твёрдо сказал Алдарион. — Обещаю.

Зафраэль кивнул. На секунду в его чёрных глазах мелькнуло что-то — может быть, тень того самого Торака, который учил Келан слушать книги.

— Береги камень, — сказал он. — Он — мост.

Зафраэль исчез.

Тьма схлопнулась за ним, как лопнувший мыльный пузырь. В комнате стало тихо. Только сердце Алдариона колотилось где-то в горле, да из разбитого носа текла кровь, капая на рубашку.

Он стоял посреди комнаты, сжимая в руке камень, и не мог пошевелиться. Ноги подкашивались, руки дрожали, в голове гудело. Но внутри, в самой глубине, поселилось странное спокойствие.

Он сделал это. Он встретился с ним лицом к лицу. Не сбежал. Не спрятался. И даже нашёл в себе силы ответить.

Алдарион посмотрел на свою грудь — пятно под разорванной рубашкой светилось, но не болью, а чем-то другим. Связью. Пониманием.

Он опустился на пол, прислонился спиной к стене и закрыл глаза. Перед внутренним взором всё ещё стояло лицо Зафраэля — не злое, не ненавидящее.

Неизвестно, сколько он так просидел. Может, минуту. Может, час.

Очнулся от того, что зазвонил телефон. Он посмотрел на экран — Лена.

— Аллю? — голос охрип, пришлось откашляться.

— Ты чего такой? — спросила она. — Заболел?

— Нет, просто... не выспался.

— С тобой точно всё в порядке? Голос странный.

— В порядке, Лен. — Он помолчал. — Сын как?

— Нормально. Уроки делает. Спрашивал про тебя.

— Передавай, что я позвоню завтра. Обязательно.

— Ладно. — Она помолчала. — Ты это... береги себя.

— Хорошо.

Он положил трубку, посмотрел на камень. Тот лежал на полу, рядом с ним, и слабо пульсировал. Потом перевёл взгляд на комнату. Всё было на месте, но чувствовалось, что здесь только что происходило нечто, выходящее за грань понимания. Воздух ещё звенел, стены ещё хранили отпечаток тьмы.

Алдарион поднялся, подошёл к столу, положил камень на папку «Эйдос». Потом сел в кресло и долго смотрел на него. Плечо саднило — там, где копьё Зафраэля полоснуло по коже. Он задрал рукав. На плече красовалась тонкая чёрная полоса, похожая на ожог. Она пульсировала — в такт камню, в такт пятну на груди.

— Теперь мы связаны навсегда, — сказал он. — Все трое.

За окном начало светать. Серый осенний рассвет поднимался над Вереей, над маленькими домиками, над тихими улицами. Где-то залаяла собака, где-то завелась машина — обычное утро обычного городка.

Но Алдарион знал: это утро необычное. Потому что он наконец-то сделал выбор.

Он встал, подошёл к окну, распахнул створку. Холодный воздух хлынул в комнату, пахнуло осенней листвой и сыростью. Алдарион глубоко вдохнул, чувствуя, как лёгкие наполняются жизнью.

— Элессар, — сказал он в пустоту. — Зафраэль. Я решил. Я иду.

Ветер качнул ветви дерева под окном, и Алдариону показалось, что в шорохе листвы прозвучал ответ. Слов он не разобрал, но тон был тёплым. Одобрительным.

Он закрыл окно, вернулся к столу, взял ручку и лист бумаги. Написал:

«Сынок, я уезжаю. Ненадолго, может быть, надолго. Не знаю точно. Но знаю одно: я вернусь другим. Лучше, чем был. Обещаю».

Сложил лист, сунул в конверт, подписал адрес.

— А сейчас — спать. Завтра будет новый день. И первый день новой жизни.

Он лёг на кровать, не раздеваясь, и закрыл глаза. Плечо болело, грудь ныла, но впервые за долгое время он чувствовал не страх, а покой. Покой человека, который перестал бежать.

И впервые за долгое время ему приснился хороший сон.

Он шёл по Лумианским Долинам. Солнце светило мягко, трава под ногами была тёплой и живой. Вокруг цвели цветы, пели птицы, где-то вдалеке звенел ручей.

А навстречу ему шёл Элессар. Не в доспехах, в простой одежде, с улыбкой на лице.

— Ты пришёл, — сказал он.

— Я пришёл, — ответил Алдарион.

И они пошли вместе, туда, где впереди, на горизонте, сиял хрустальный город.

А за спиной, на границе сна и яви, стоял Зафраэль и смотрел им вслед. На лице его не было ненависти. Только усталость и слабая, едва заметная надежда.

— Жду, — прошептал он.

И исчез, растворившись в утреннем свете.

Проснувшись рано утром, Алдарион чувствовал себя обновлённым, словно перерождённым. После пережитого накануне сознание очистилось, оставив ясность мыслей.

Он решил пообщаться с Амаром. Единственным человеком, которому он доверял настолько, чтобы поделиться всеми подробностями. Амар не просто учёный, а друг, единственный, кто понимает страсть к поиску истины.

Позвонив товарищу, Алдарион назначил встречу в знакомом кафе. Несколько минут спустя он оказался там, ожидая прибытия доктора Верреса. Алдариону крупно повезло: у Верреса была дача неподалёку, он как раз отдыхал там, поэтому ждать пришлось недолго. Кафе «Легенда» выглядело уютно, оно было наполнено ароматом свежесваренного кофе и запахами выпечки. Он выбрал столик у окна.

Прошло около четверти часа, прежде чем дверь открылась, впуская внутрь высокого мужчину средних лет с растрёпанными волосами и мешками под глазами. Это был Амар Веррес, профессор физики, известный своим острым умом и эксцентричностью. Быстро подойдя к столику, он опустился на стул напротив Алдариона, устало улыбнувшись.

— Алдарион, — произнёс он низким, слегка хриплым голосом. — У тебя проблемы? Неважно выглядишь.

Алдарион внимательно посмотрел на друга, стараясь уловить малейшие признаки сомнения или недоверия. Он не знал, как объяснить произошедшее.

— Я обнаружил нечто удивительное, — признался он. — Это может показаться невозможным, но, похоже, является истинным фактом.

Амар заинтересованно приподнял брови.

— Не томи, — сказал он, подавшись немного вперёд.

— Это началось в Карелии, — продолжил Алдарион. — Там я случайно наткнулся на камень, который позволил мне увидеть другой мир. Мир, созданный моим воображением, но оказавшийся абсолютно реальным.

Амар на мгновение замер, изучая выражение лица собеседника.

— Продолжай, — потребовал он с любопытством, демонстрирующим неподдельный интерес.

Алдарион подробно изложил события последних дней, начиная с момента обнаружения камня и заканчивая столкновением с Зафраэлем. Он рассказывал спокойно, последовательно, сохраняя самообладание.

Доктор Веррес слушал молча, скрестив руки на груди и нахмутив лоб. Когда Алдарион закончил, он тяжело вздохнул и откинулся на спинку стула.

— Итак, ты хочешь сказать, что твой собственный вымышленный мир... ожил? — осторожно уточнил он, стараясь сохранить научный нейтралитет в голосе.

Алдарион пожал плечами, понимая, как нелепо звучит его заявление.

— Похоже на то, — подтвердил он. — Этот камень, который я нашёл в Карелии, он... будто антенна какая-то. Через него я вижу и чувствую Эйдос, будто я сам там присутствую.

Веррес задумчиво потёр подбородок.

— Давай начнём с фактов, — предложил он. — Во-первых, я физик-теоретик, а не фантаст. Моя специальность — квантовая механика и космология. Так что давай переведём твою историю на понятный мне язык.

Алдарион настороженно кивнул.

— Хорошо, — согласился он. — Мне кажется, что Эйдос... он не совсем материален. Скорее, это своего рода параллельная реальность, существующая одновременно с нашим миром, но имеющая совершенно другие законы существования.

Веррес заинтересованно наклонился вперёд.

— Параллельные вселенные давно известны науке, хотя никто не смог доказать их существование экспериментально, — задумчиво проговорил он. — Но твоя идея, что эти миры взаимодействуют посредством энергии, которую ты назвал «камнем», заслуживает внимания. Энергия ведь бывает разной природы...

Алдарион напрягся, готовясь услышать критику.

— Ну вот представь, — заговорил Веррес оживлённо, рисуя пальцем на столешнице невидимый график. — Наш мир основан на физических законах, материальных частицах и силах взаимодействия. В нём главное — это факты, материальные объекты. Однако параллельно этому существует ещё один аспект — повествование, структура сюжета, внутренний смысл вещей. Назовём это «нарративом». Обычно в нашем мире нарратив подчинён физической реальности, он вторичен, он возникает после факта. Например, ты ударил мяч ногой — сначала произошло физическое событие, а потом возник нарратив: «Я забил гол». Но что, если представить, что есть мир, где нарратив и физические законы переплетены гораздо теснее?

Алдарион слушал, открыв рот, поражённый точностью описания ситуации.

— То есть ты говоришь, что Эйдос — это мир, где мои рассказы создают реальность?

Веррес энергично кивнул.

— Именно так! Представь себе камеру, снимающую фильм. Режиссёр снимает кадр, создаёт сюжет, описывает поведение героев словами. А теперь представь, что камера и режиссёр становятся единым целым, и сцена сама воплощается благодаря силе повествования. Вот именно это и происходит в Эйдосе. Каждая твоя глава, каждая фраза влияет на реальность этого мира напрямую. Возможно, это аналогично феномену, известному нам как «наблюдение меняет реальность». Квантовая механика гласит, что элементарные частицы ведут себя иначе, когда на них смотрят. Почему бы этому принципу не распространяться и на целые миры?

Алдарион задумался, переваривая услышанное.

— Получается, я создал этот мир, но теперь он живёт независимо от меня?

Веррес пожал плечами.

— Скажем так: ты запустил механизм, который продолжает функционировать. Но поскольку ты был создателем, твоё влияние остаётся первостепенным. Каждая твоя мысль, эмоция или решение оказывают воздействие на Эйдос. Поэтому, когда ты решил вернуться домой и оставить свой проект, Эйдос остался незавершённым. Теперь он балансирует на грани распада, и только ты можешь восстановить гармонию.

Алдарион нервно провёл рукой по волосам.

— Но как я могу помочь? — спросил он растерянно. — Ведь я не умею управлять всей этой энергией!

Веррес улыбнулся понимающе.

— Ты думаешь слишком масштабно, — успокоил он. — Начинать нужно с малого. Послушай себя, почувствуй этот мир. Вспомни свои чувства, идеи, образы, которыми ты наполнил Эйдос. Важно почувствовать ритм этого мира, его «энергетическое сердцебиение». Затем начинай действовать постепенно, аккуратно вмешиваясь в структуру повествования, направляя события туда, куда считаешь нужным. Постепенно научишься чувствовать пределы своего влияния и контролировать ситуацию.

Алдарион выпрямился, вдохновляясь поддержкой друга.

— Думаю, я смогу попробовать, — решительно заявил он.

Веррес удовлетворённо кивнул.

— Отличная новость, — похвалил он. — Я буду поддерживать тебя, анализировать происходящее и давать советы. Нам предстоит многое обсудить и выяснить, но самое важное уже сделано: ты принял ответственность за своё создание.

Алдарион крепко пожал руку другу.

— Спасибо, Амар, — искренне поблагодарил он. — Без твоей поддержки я бы не справился.

Веррес весело ухмыльнулся.

— Дружба — лучший катализатор научного прогресса, — философски заключил он. — А теперь расскажи подробнее про этого Зафраэля. Судя по всему, он играет ключевую роль в развитии конфликта...

Алдарион вновь погрузился в объяснения, и разговор продолжился. Время бежало незаметно, наполнившись значимостью каждой секунды, как редкие моменты настоящего открытия.

Амар внимательно дослушал писателя и пообещал помочь ему, но только после поездки в Москву. Он объяснил, что из Москвы нужно привезти всё необходимое для исследований. Друзья покинули кафе оба с воодушевлением. Алдарион понял, что у него есть поддержка, а доктор Веррес предчувствовал интересное дело.

В ту же секунду, в хрустальном городе Силендриль, Элессар открыл глаза. Он чувствовал: что-то изменилось. Творец сделал выбор.

— Скоро, — прошептал он, глядя на восток, где за холмами начиналась дорога к Древу Отражений.

Глава 8. Мост над бездной

Кай Солнцеворот не был похож на тех, кто строит мосты. Высокий, стройный, с осанкой дипломата и быстрыми, точными движениями учёного, он казался скорее гостем на этой стройке, чем её главным архитектором. Тёмные, чуть выующиеся волосы с ранней проседью на висках были аккуратно убраны назад — привычка человека, который ценит порядок во всём, включая собственную внешность. Одежда выдавала в нём прагматика: удобный камзол из плотной ткани антарианского покроя, но с карнурскими металлическими застёжками и альвианской вышивкой по вороту — тонкой, живой нитью, которая слабо светилась в сумерках. На поясе висел кожаный футляр со свитками и странный инструмент, похожий на соединение циркуля и астролябии. Его руки — длинные, с аккуратными пальцами, испачканными чернилами и угольной пылью, — сейчас лежали на каменных перилах, и в этом жесте чувствовалась не гордость творца, а скорее тревога отца, следящего за судьбой своего ребёнка.

Ветер на этой высоте был особенным. Он рождался где-то в северных ущельях, набирал силу над ледяными пиками и умирал, не долетев до южных склонов, разбиваясь о тёплые воздушные потоки. Кай любил этот ветер. Он напоминал ему, что даже воздух здесь, на стыке двух континентов, звучит как хорошо настроенный инструмент. Иногда ему казалось, что, если закрыть глаза и вслушиваться достаточно долго, можно различить в его пении отдельные голоса: голоса камней, деревьев и самой земли.

Он стоял на краю недостроенной арки и смотрел вниз. Там, в трёхстах метрах, кипела работа. Фигурки рабочих казались муравьями. Кай знал каждого по имени. Карнуры в своих кожаных фартуках, пропахших смолой и металлом, обтёсывали глыбы, подгоняя их друг к другу с ювелирной точностью, доступной только тем, кто родился в каменных недрах Хребта Несокрушимой Воли. Антарианские инженеры в лёгких туниках размечали линии, сверяясь с чертежами, которые Кай правил уже в сотый раз за последние два года. Альвианы, парящие в воздухе на своих платформах из живого дерева и светящихся кристаллов, оплетали каменные своды тонкими серебристыми нитями. Эти нити, сплетённые из особого мха и укреплённые магией гармонии, должны были не просто украсить конструкцию — они должны были сделать её частью природного ландшафта, вписать рукотворное творение в естественный ритм гор.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.